

Review

Центральная Азия

Вторник 9 февраля 2021 №22 (6984 с момента возобновления издания)

kommersant.ru

14 Быть ли Соединенным Штатам Евразии?

19 Как музей с необычной историей, появившийся во второй половине XX века и расположенный в узбекском городе Нукусе, стал Лувром в пустыне

20 Почему вслед за экономическим влиянием Китая в Центральной Азии его политическая и военная роль здесь неминуемо будет расти

Зависимая независимость

В 2021 году пять республик Центральной Азии отмечают 30-й юбилей своей независимости. Однако и после ее обретения этот регион нестабилен, а страны, его составляющие, все еще пытаются найти свое место в мире и определить собственный путь развития.

— конъюнктура —

Подводя в прошлом декабре итоги драматичного для постсоветского пространства 2020 года, российский президент Владимир Путин предположил, что события в Белоруссии, где протесты едва не смели президента Александра Лукашенко, и в Киргизии, где президент лишился власти, — результат поиска постсоветскими странами, и не только этими двумя, «своего пути». По его словам, их «уровень политического сознания, уровень зрелости институтов» все еще не достиг показателей таких стран, как Франция и Германия.

В нынешнем году будет много попыток осмыслить, в какой точке развития оказались 15 когда-то социалистических республик распавшегося Советского Союза. Впереди круглая дата: 26 декабря 1991 года Советом Республик Верховного Совета СССР была принята декларация о прекращении существования советского государства. К тому моменту входившие в Союз республики уже провозгласили независимость. В их числе — Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Каждое из пяти центральноазиатских государств после распада СССР пошло собственным путем. И каждое оказалось подвержено тем же «болезням», что и прочие страны постсоветского пространства.

Как закалялась Азия

Новейшая история Центральной Азии, как и других бывших союзных республик, состоит из войн, заговоров, революций, реформ и закручивания гаек, а также конфликтов внутри республик и распрей между соседями.

Одним из первых сильных потрясений стала кровопролитная и разрушительная гражданская война в Таджикистане, начавшаяся в 1992 году и закончившаяся только пять лет спустя. Друг другу противостояли правительственные силы и оппозиционный альянс демократов и исламистов. Война, в которой погибли, по разным оценкам, от 60 тыс. до 150 тыс. человек, стала первым серьезным испытани-

ем не только для Таджикистана, но и всего центральноазиатского региона.

Туркменский президент Сапармурат Ниязов с самого начала взял курс на изоляцию своей страны от внешнего мира, во внешней политике — на нейтралитет, а внутри страны он создал культ собственной личности.

Чаще других трясло Киргизию. Последним потрясением стала прошлогодняя революция, организованная Садыром Жапаровым, который добился ухода с поста президента Сооронбая Жээнбекова и сам стал президентом по итогам выборов 10 января.

Для Узбекистана одним из самых серьезных потрясений стали беспорядки в Андижане в мае 2005 года. Антиправительственные выступления там жестко подавили силовиками. Власти Узбекистана назвали эти события мятежом, за которым стоят радикальные исламисты. США и Запад в целом призвали к независимому и прозрачному расследованию. Авторитарному и жесткому узбекскому лидеру Исламу Каримову это не понравилось. Если с 1999 года он активно налаживал связи с Вашингтоном и его союзниками, впус- тив американцев на базу Карши-Ханабад, то в 2006 году он поставил вопрос об уходе военных США и вышел из созданной усилиями Запада организации ГУУАМ (в то время объединяла Грузию, Узбекистан, Украину, Азербайджан и Молдавию).

Казахстан, который принято считать островком стабильности в регионе, тоже не избежал проблем и потрясений. Хотя первый президент Нурсултан Назарбаев приложил усилия, чтобы максимально снизить риски. В 1997 году он перенес столицу из Алма-Аты в Акмолу (бывший Целиноград), позже переименованную в Астану, а затем в Нур-Султан. Этим ему удалось нейтрализовать угрозу сепаратизма. На севере страны русскоязычное население там традиционно преобладало над коренным, то и дело поднимался вопрос об автономии. Перенос столицы и перенарезка областей тему более или менее закрыли.

Особенно лихими для Казахстана выдалась 2000-е: в стране тогда

произошло несколько громких политических убийств. В ноябре 2005 года с тремя огнестрельными ранениями — два в грудь и один в голову — был найден экс-глава Агентства по чрезвычайным ситуациям Заманбек Нуркадилов, резко критиковавший президента. Официальная версия случившегося — самоубийство. А в феврале 2006-го недалеко от Алма-Аты были обнаружены тела известного в стране оппозиционного политика Алтынбека Сарсенбаева, его водителя и охранника. Все трое — с огнестрельными ранениями.

Были также бунты и дворцовые интриги. В декабре 2011 года весь мир узнал о существовании ничем не примечательного городка Жанаозен. Там начались протесты нефтяников и в какой-то момент начались беспорядки. Силовики применили оружие. Разлад в президентской семье проявился, когда зять Нурсултана Назарбаева Рахат Алиев — муж старшей президентской дочери Дариги — в 2007 году, будучи послом в Австрии, объявил тестю политическую войну и стал публично рассказывать о коррупции на самом верху. Впоследствии он был обвинен в убийствах и в 2014-м арестован австрийскими властями. В 2015 году его нашли повешенным в камере венской тюрьмы.

В странах Центральной Азии после распада СССР установились режимы разной степени жесткости. Одним из самых жестких оказался туркменский режим Сапармурата Ниязова. Даже после его смерти в 2006 году и прихода к власти Гурбангулы Бердымухамедова Туркменистан остается одним из самых закрытых государств в мире и точно самым закрытым в регионе.

Узбекистан во времена Ислама Каримова не отторгался от внешнего мира, но первый президент страны правил весьма жестко. Шавкат Мирзиёев, возглавивший страну после смерти господина Каримова в 2016 году, уже успел прослыть реформатором. Он взял курс на либерализацию в экономике, стал менять властные институты, включая весь силовой блок.

Палитра режимов

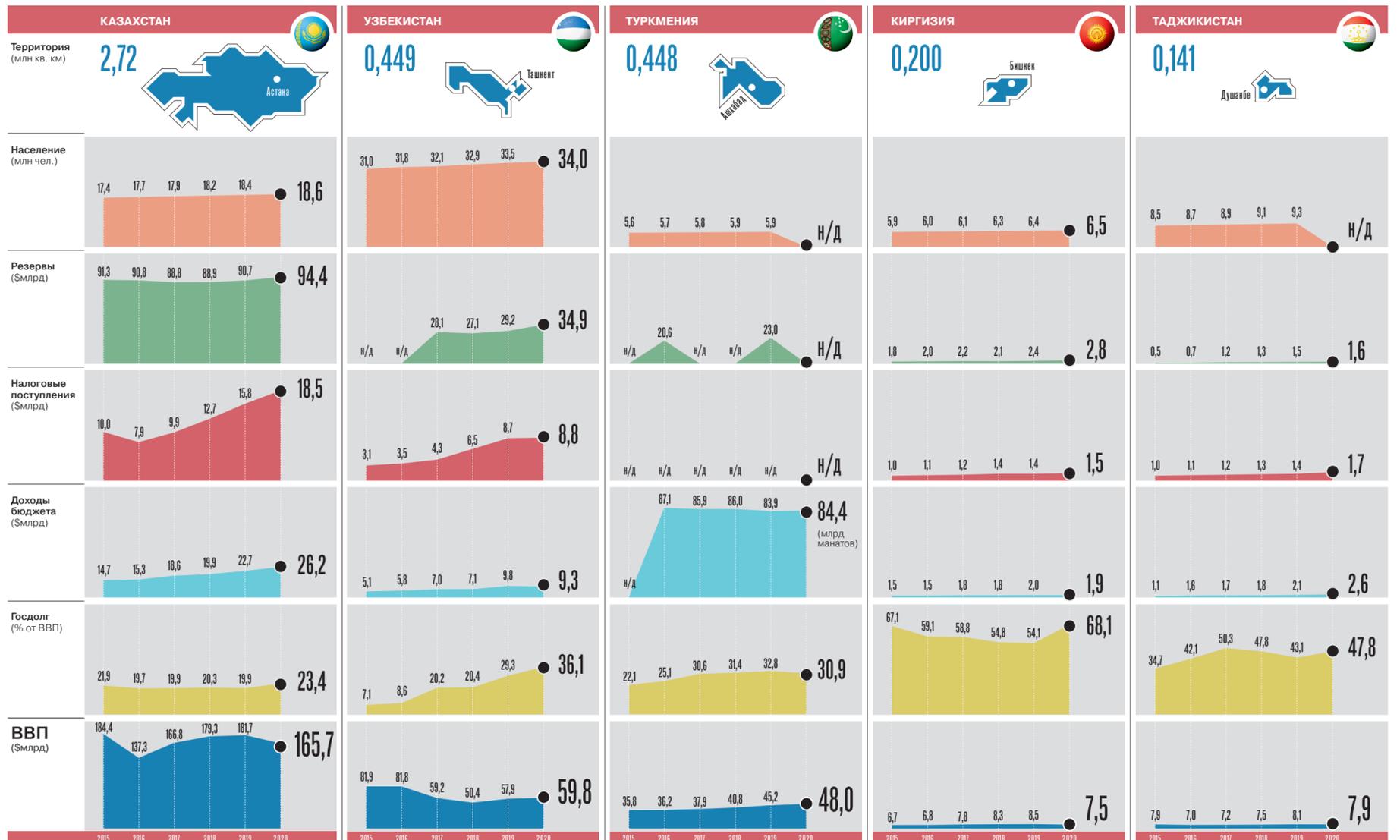
В странах Центральной Азии после распада СССР установились режимы разной степени жесткости. Одним из самых жестких оказался туркменский режим Сапармурата Ниязова. Даже после его смерти в 2006 году и прихода к власти Гурбангулы Бердымухамедова Туркменистан остается одним из самых закрытых государств в мире и точно самым закрытым в регионе.

Узбекистан во времена Ислама Каримова не отторгался от внешнего мира, но первый президент страны правил весьма жестко. Шавкат Мирзиёев, возглавивший страну после смерти господина Каримова в 2016 году, уже успел прослыть реформатором. Он взял курс на либерализацию в экономике, стал менять властные институты, включая весь силовой блок.

с 14

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИСТОЧНИКИ: СТАТИСТИЧЕСКИЕ ВЕДОМСТВА СТРАН, МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД, ВСЕМИРНЫЙ БАНК.

Быть ли Соединенным Штатам Евразии?

Размышления узбекского политолога о региональной интеграции

— исследование —

Постановка проблемы

Вот уже без малого 30 лет ставшие независимыми бывшие советские республики, в том числе и мой родной Узбекистан, идут каждая по своему собственному пути развития. Прошел вроде бы небольшой по историческим меркам срок, чтобы подвести какие-то итоги. Однако некоторые результаты уже просматриваются, особенно в сравнении с другими странами.

Так, за 30 лет Китай вошел в число ведущих экономических держав мира благодаря политике кардинальных реформ, начатых в 1979 году Дэн Сяопином. Те же Южная Корея, Малайзия и Сингапур, прозванные «азиатскими тиграми», потратили еще меньше времени, чтобы совершить мощный экономический рывок и встать в один ряд с индустриально развитыми государствами Запада.

Вот пример, чего можно добиться за столь короткий исторический срок при правильном выборе модели экономического развития, четкой расстановке приоритетов и умелой мобилизации ресурсов. Правда, справедливости ради нужно отметить, что преимущество названных государств является их географическое расположение: все они имеют прямой выход к морю и международным торговым маршрутам, по которым могут импортировать сырье и экспортировать свою продукцию с высокой добавленной стоимостью.

Если фокусировать внимание на Центральной Азии, то регион географически находится глубоко внутри материка, вдали от морских путей и центров мировой торговли, хотя обладает, в отличие от тех же «азиатских тигров», богатыми природными ресурсами. При этом если Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан непосредственно граничат с государствами, имеющими прямой выход к морю, то Узбекистан, как внутриконтинентальное государство, окружен соседями, которые тоже не имеют прямого выхода к морю (во всем мире в подобном положении находится еще только Лихтенштейн).

Ни в каком случае не умаляю ценность того, что сделано и достигнуто странами региона за прошедший период суверенного развития. Однако отмечу, что результат сравнения говорит сам за себя: ни одному из государств Центральной Азии пока еще не удалось совершить качественный скачок в своем развитии и войти в число развитых стран мира.

Кудратилла Рафикова, политолог

Тем не менее через сто лет после разгрома существовавших тогда на территории региона трех государств — Кокандского и Хивинского ханств, а также Бухарского Эмирата — народы Центральной Азии вновь стоят на перепутье. С одной стороны, нужно укреплять независимость собственных государств, созданных по воле большевиков по национальному принципу, а с другой — необходимо решать задачи интеграционного характера, но уже на совершенно новой основе.

«Идеология всему голова», или немного о философии истории...

В конце XIX — начале XX веков завоевание Кокандского ханства, установление вассальных отношений с Хивинским ханством и Бухарским Эмиратом завершили колонизацию региона царской Россией. После Ок-

тябрьской революции 1917 года начался советский период, когда по решению большевиков на карте региона появились нынешние республики Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан.

Это удел философов-обществоведов — проводить теоретические изыскания и научные споры на тему о том, почему такая сверхдержава, как Советский Союз, так легко развалилась, а строительство социализма потерпело крах. Хотя лично мне так и не довелось до сих пор прочитать какой-либо серьезный материал, в котором дается глубокий научный анализ причин «крупнейшей геополитической катастрофы XX века» (В. В. Путин).

Оглядываясь назад, видим результат бездумного отношения большевиков к двум самым важным постулатам марксистской теории о социализме, которыми нас учили в советских вузах.

Во-первых, согласно учению основоположников коммунистической идеологии К. Маркса и Ф. Энгельса, глубоко исследовавших в свое время объективные закономерности развития капитализма и его дальнейших перспектив, социализм может победить одновременно во всех или в большинстве капиталистических стран.

Однако, по-своему развив эту теорию, В. Ленин в 1915 году написал знаменитую статью «О лозунге Соединенных Штатов Европы», отметив следующее: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих и даже в одной отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав

у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов» (Ленин, ПСС, т. 26, С. 354).

Правда, уже после победы Октябрьской революции, выступая на V Всероссийском чрезвычайном съезде Советов в 1918 году, В. Ленин уже утверждал обратное, подчеркивая, что «полная победа социалистической революции немислива в одной стране» (Ленин, т. 37, С. 153).

Во-вторых, Ф. Энгельс в свое время отмечал, что, когда победит социалистическая революция в индустриально развитых странах, «...отсталые страны увидят на этом примере, „как это делается“, как... встать на путь такого сокращенного процесса развития» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22, С. 446).

Отталкиваясь от этого тезиса Энгельса, В. Ленин выступил на II Конгрессе Коминтерна в 1920 году с докладом, в котором обосновал идею о том, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Но уже к 1921 году, когда страна столкнулась с голодом и невиданными трудностями послереволюционной и послевоенной разрухи, В. Ленин осознал ошибочность данной идеи. Поэтому он разработал и начал ускоренно внедрять НЭП, что на практике означало постепенный возврат основ капитализма, благодаря чему удалось за короткий срок стабилизировать обстановку и обеспечить страну продовольствием. Правда, после смерти В. Ленина НЭП существовала недолго, а в 1929 году была вовсе свернута Сталиным.

А народам, населявшим 1/6 часть Земли и собранным в единое государство, пришлось пройти через невероятный социальный эксперимент длиной в 74 года, испытывая на себе все его позитивные и негативные последствия. Печальный результат эксперимента известен: не удалось построить социализм в отдельно взятой стране. Более того, в итоге сама эта страна развалилась на части.

Также оказалась неудачной попытка перевода таких стран, как Бухарский Эмират, Хивинское и Кокандское ханства, на социалистический путь развития, минуя стадию капитализма. В конечном итоге пришлось вновь вернуться к исходному рубежу.

Хотя история и не терпит сослагательного наклонения, но определенный интерес для теоретиков представляет дискуссия о том, что было бы, если бы тогда НЭП не отменили и страна постепенно вернулась на капиталистический путь развития. Сегодня многих интересует вопрос: мог бы СССР пройти тот же путь развития, который с 1979 года наблюдается в Китае — развитие капиталистического уклада при сохранении руководящей роли Компартии, благодаря чему бывшая полуголодная, отсталая страна за 30–40 лет превратилась в ведущую экономическую державу мира.

В случае с Китаем можно провести еще одну параллель — правда, на этот раз печального свойства. Так, «культурная революция» (движение хунвейбинов в Китае в 1966–1976 годы) отдаленно, но также напоминают массовые репрессии и сталинские репрессии 1937–1940 годов в СССР. c 15

Зависимая независимость

— конъюнктура —

«Особенности режима там определялись угрозами из Афганистана, со стороны исламского экстремизма как в Афганистане, так и в Узбекистане. Тем не менее сегодня, после того как Каримов умер, режим демонстрирует гораздо более либеральные устремления и отвечает в гораздо большей степени потребностям населения страны, которая является центральной во всем регионе и от которой зависит стабильность всей Центральной Азии», — отмечает в беседе с Review эксперт по Центральной Азии Аркадий Дубнов.

В Казахстане усиление президентской власти изначально сочеталось со стремлением к преобразованиям. «Там ситуация во многом определялась личностью лидера — Назарбаева. На момент распада СССР он оказался наиболее подготовлен к проведению постсоветских экономических реформ. Благодаря наличию природных ресурсов страна сделала резкий рывок, давший возможность населению получить часть ресурсной ренты», — поясняет господин Дубнов.

На развитии Таджикистана сказались гражданская война. Она разрушила экономику страны, превратив ее в одну из беднейших стран мира. Во время войны на первые роли выдвинулся Эмомали Рахмон (тогда еще Рахмонов), который в 1994 году стал третьим и стех пор бессменным президентом республики, установив авторитарный режим личной власти.

«Ситуация в Таджикистане все постсоветские годы определялась тем режимом, который вышел победителем в войне. Рахмон узурпировал власть, а его поддержка во многом объяснялась тем, что он сумел показать, что контролирует ситуацию, которая угрожала нестабильностью всей Центральной Азии», — считает Аркадий Дубнов.

На фоне четырех других стран, где опорой политической системы

является режим сильной президентской власти, особняком стоит Киргизия. Страна слывет самой демократичной: Садыр Жапаров — пятый постсоветский руководитель республики. В то же время свержение президента здесь стало традицией.

«Как каждая постсоветская страна, мы прошли путь непростой, временами турбулентный, что привлекало к нам внимание всего мира. Путь наш был сообразен характеру народа, историческим традициям. Мы теперь только понимаем, что все это играет в политической традиции немалую роль. Мы реагируем на несправедливость и нечестное правление в Кыргызстане по иному, чем в других странах», — говорит в беседе с Review Пола Отунбаева, исполняющая обязанности главы республики после свержения режима Бакиева в 2010–2011 годах.

Сейчас Садыр Жапаров затеял в стране реформы, призванные усилить президентскую власть. И теперь в Киргизии гадают, как долго осталось ждать очередной революции.

Перемены во внутренней политике, впрочем, заметны не только в Киргизии. Но если здесь толчком для них является бунтующая улица, то в Казахстане этот процесс был запущен сверху. В отличие от Узбекистана и Туркмении, где ротация была связана со смертью лидера, Нурсултан Назарбаев взял транзит в свои руки. В марте 2019 года он сложил с себя полномочия президента, назначив преемником спикера Сената Касым-Жомарта Токаева. Сам господин Назарбаев переместился на другую позицию — пожизненного руководителя государства. Должность официально называется первый президент Казахстана, а занимать ее может единственный человек — Нурсултан Назарбаев.

Единственной не затронутой пока сменой лидера страной Центральной Азии остается Таджикистан. Эмомали Рахмон в 2020 году переизбрался на новый семилетний срок. При этом стремительную карьеру в политике делает его старший сын —

33-летний Рустам Эмомали. Сейчас он занимает пост председателя верхней палаты таджикского парламента и параллельно мэра Душанбе.

Где вместе, там и врозь

Интеграционные процессы на всем постсоветском пространстве начались почти синхронно с распадом СССР. Так, принятие декларации о прекращении существования советского государства предшествовало подписанию 8 декабря 1991 года руководителями России, Белоруссии и Украины «Соглашения о создании Содружества независимых государств», известного как Беловежское соглашение.

В мае 1992 года в Ташкенте был подписан Договор о коллективной безопасности, который запустил процесс создания на постсоветском пространстве военно-политического блока — Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). По словам Аркадия Дубнова, во многом к нему подтолкнула гражданская война в Таджикистане: реальную опасность дестабилизации во всем регионе тогда почувствовали все.

Инициатором договора, подчеркивает господин Дубнов, стал узбекский лидер Ислам Каримов. Подписали тогда документ Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Туркменистан, избравший внешнеполитической линией нейтралитет, которого придерживается до сих пор, к этому соглашению присоединиться не стал.

Впрочем, отношение Ташкента к интеграции в сфере безопасности при Исламе Каримове менялось несколько раз. В 1999 году Узбекистан отказался продлевать на следующие пять лет действие Договора о коллективной безопасности, а в 2001 году согласился предоставить аэродром Карши-Ханабад для нужд американских военных, начавших операцию в Афганистане. После анджанских событий, вызвавших критику со стороны Вашингтона, отношения с США обострились, и Ислам Кари-

мов выдворил американцев с авиабазы, а в 2006 году восстановил статус своей страны в ОДКБ. Впрочем, в 2012 году Ташкент снова вышел из курируемого Россией военного блока и пока так туда и не вернулся.

Присутствие центральноазиатских стран в одном альянсе не стало гарантией от двусторонних проблем. Например, на границе Киргизии и Таджикистана, которая до сих пор полностью не делимитирована, то и дело случаются вооруженные столкновения между пограничниками и местными жителями. В перестрелках бьются и убиваются. Ожесточенные споры между Ташкентом и Душанбе из-за водных ресурсов — отдельная сложная тема. Правда, после того, как президентом Узбекистана стал Шавкат Мирзиёев, накал страстей несколько спал.

В ОДКБ есть и другие сложности. В 2019 году The Washington Post написала о китайском военном объекте, расположенном высоко в горах на таджикской территории близ Ваханского коридора — на стыке границ Китая, Афганистана и Таджикистана. Сообщалось, что там базируются китайские пограничники.

При этом их появление там Душанбе ни с Москвой, ни с другими союзниками по ОДКБ не обсуждал и не согласовывал. В какой-то момент Россия, имеющая на таджикской территории официальную военную базу, оказалась перед свершившимся фактом того, что она здесь больше не одна. Официально Москва не комментировала появление китайского военного объекта, по всей видимости просто с этим смирившись. В неофициальных беседах российские дипломаты говорят, что китайское присутствие в Центральной Азии, в отличие от присутствия США и ЕС, российской сторона считает фактором стабильности.

Помимо ОДКБ отдельные страны региона входят в пестуемый Москвой Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Из центральноазиатских стран в него уже входят Казах-

стан и Киргизия. Россия хотела бы видеть в этом альянсе еще и Узбекистан с Таджикистаном (о стоящем особняком Туркменистане речь не идет). Ташкент уже получил в ЕАЭС статус наблюдателя, в котором, как рассчитывают в Кремле, должно задержаться и перейдет к полноценному членству. Впрочем, до привлекательности и глубины интеграции Евросоюза этому объединению еще далеко.

При этом в сфере экономического влияния на региональную экономику Китай всем даст фору (см. материала на стр. 8). Китайские компании давно и плотно работают в богатых ресурсами республиках региона, а сами страны активно кредитуются в Пекине. Из \$3 млрд внешне-го долга \$1,2 млрд Таджикистан должен Китаю, а Киргизия из \$4,8 млрд — \$1,8 млрд. Задолженности перед Китаем есть и у других стран региона. Но параллельно Пекин направляет сюда инвестиции: в добывающие отрасли, сельское хозяйство и промышленность.

«Зависимость в разной степени всех стран от Китая и его экономического и политического навета не может оспариваться», — констатирует Аркадий Дубнов. — Она кажется естественной, поскольку историческая зависимость региона от России не может быть сегодня противостоимостью влияния Китая в силу растущей разницы между Китаем и Россией».

Руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги Александр Габуев также уверен, что влияние Китая будет расти. И не только экономическое. «Чем слабее страна и чем больше она экономически зависима от Китая, тем больше точек входа туда», — говорит он Review. Китай, убежден эксперт, будет использовать все способы, чтобы проникнуть в регион. Одна из моделей — культивирование связей с правящими элитами. В пример господин Габуев приводит Таджикистан, где члены семьи Эмомали Рахмона не безвозмездно помогали отдельным китай-

ским компаниям. «Мы увидим планомерную и сложную работу по окулированию всех элит в Центральной Азии», — предсказывает Александр Габуев. Кто здесь работает против китайцев, отмечает он, — это то, что китайская экспансия не оставляет незамеченной и вызывает «огромный страх у населения, замешанный на том, что Китай творит в Синьцзяне в отношении мусульман и тюрков».

Аркадий Дубнов тоже полагает, что синафобия в странах Центральной Азии не дает возможности превратить регион в вотчину Китая: «Да, каждая из стран вынуждена решать свои проблемы экономического закабаления. Это выглядит драматично в таких странах, как Таджикистан, Киргизия и даже Туркмения. На это надо смотреть в перспективе истории, а она не дает основания считать, что Китай полностью поглотит регион».

Лидеры Центральной Азии понимают, что вести с большими странами игру один на один — не так важно. Россия этот игрок или Китай, — очень сложно. Отдельные лидеры здесь не раз поднимали вопрос региональной интеграции. Нурсултан Назарбаев, например, предлагал создать Центрально-Азиатский союз. Но попытка провалилась.

Александр Габуев думает, что процесс формулирования странами Центральной Азии собственных интересов не завершен. По его словам, у Казахстана и Узбекистана точно есть потенциал для того, чтобы сохранять независимость, суверенитет и субъектность во внешней политике: «Это можно делать теми способами, которые у них есть. Для Казахстана это многовекторность с приоритизацией союза с Россией. Узбекистан продолжает выходить из каримовских времен и учиться жить в более открытом, другом мире. Мире, где Россия более агрессивная, но более слабая. Китай все более активный. Думаю, там идет внутренняя дискуссия и о том, как сформулировать свои национальные интересы».

Владимир Соловьев

Review Центральная Азия

Пророческой оказалась мысль, выведенная В. Лениным в заголовок вышеупомянутой статьи, хотя в ней он весьма критично относился к объединению всех европейских стран в единое государство, что, по его мнению, будет только содействовать капиталистам «сообща давить социализм в Европе». Как ни крути, «Соединенные Штаты Европы» — сегодня это реальность, но под названием Европейский союз, который, став формой равноправной и добровольной интеграции больших и малых государств, имеет единый парламент и наднациональные органы исполнительной власти, а также все больше приобретает черты единого государства.

Торговые пути — как дорога жизни для Центральной Азии

Однако вернемся к реалиям Центральной Азии, которая, к сожалению для людей, живущих в этом регионе, с открытием в Средние века альтернативных морских торговых путей на длительный период превратилась в отсталый во всех отношениях регион.

Развитие идет там, где проходят торговые пути, говорили древние мудрецы. Известный французский экономист Жак Аттали в книге «Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет» (издательство «Питер», 2014 г.) доказывает, что государства всегда боролись, чтобы торговые пути и караваны проходили через их территорию, поскольку это не только помогало росту экономики и обогащению населения, но прежде всего превращало страну в активного участника региональной или глобальной торговли, а также в центр историко-цивилизационного и научно-инновационного развития.

Так, в Средние века через Центральную Азию проходили самые оживленные маршруты Великого шелкового пути, благодаря чему в регионе возникли известные государства-города Самарканд, Бухара, Ташкент, Хива, Термез и другие, где шел активный обмен товарами и тогдашними технологиями, информацией и знаниями. В частности, это способствовало появлению в нашем культурно-цивилизационном пространстве таких всемирно признанных мыслителей и ученых, как Ибн Сино и Хоразми, Беруни и Фароби, Замахшарий и Улугбек и многих других, у которых весь средневековый мир учился медицине, математике, астрономии и другим наукам. Послы европейских государств добивались благосклонности центральноазиатских правителей и покровительства к их торговым караванам.

Однако с ростом влияния Османской империи в Передней Азии, бассейнах Средиземного и Черного морей турецкие султаны усилили контроль торговых путей из Европы в Персию, Индию и Китай, обложив европейских торговцев растущими таможенными и транзитными налогами, что вынудило их начать активный поиск альтернативного, в обход османской территории, пути в Индию. И как только в кораблестроении и мореплаваннии произошел технический прорыв, началась эпоха великих географических открытий: в XV–XVII веках европейцы открыли новые земли и морские маршруты в Африку, Америку, Азию и Океанию. Также был проложен морской Индийский путь в Азию, обходя Африканский континент.

Более того, в XIX веке Франция вместе с Египтом начала строительство кратчайшего маршрута из Европы в Индию через Суэцкий канал (на 15 тыс. км меньше пути вокруг Африки). Правда, правительство Англии, опасаясь, что это может привести к ослаблению ее доминирующих позиций в мировом морском судоходстве и потере господства над Индией, всячески препятствовало осуществлению данного проекта. Даже после открытия Суэцкого канала в 1869 году из-за него неоднократно происходили конфликты, в том числе военные.

Примечательно, что в тот период Россия также выступала против строительства Суэцкого канала, опасаясь, что это может привести к упадку той части торговых маршрутов Великого шелкового пути, которые все еще проходили через ее территорию и находились под ее контролем.

Таким образом, с открытием морских маршрутов Европа перестала зависеть от Османской Турции в вопросах торговли и транзита, что, в свою очередь, привело к значительному снижению геополитической роли Османской Турции.

Что касается Центральной Азии, быстрый рост морского судоходства резко сократил сухопутные потоки торговых караванов, идущих по Великому шелковому пути, память о котором теперь сохранилась лишь в легендах. В результате регион оказался вдали от оживленных торговых путей и, что еще хуже, был практически приговорен веками прозябать на далекой окраине

не важных глобальных процессов, отставая от бурного процесса промышленного и научно-технического развития.

Это классический пример для понимания сути такого выражения, как «геоэкономика», а также того, как резкие изменения геоэкономической ситуации на мировой арене могут повлиять на судьбы целых государств и народов, ускорив или же затормозив их дальнейшее развитие.

В своей упомянутой выше книге Жак Аттали упоминает целый ряд государств, чьи рынки в ближайшие 50 лет будут иметь статус центров международной торговли. В этом списке кроме США, Евросоюза и нескольких других государств с быстрорастущей экономикой также заняли место Китай, Россия и Индия, вокруг которых будет строиться основная мировая торговля.

Так, из этого списка государств, если их рассматривать в качестве крупнейших рынков и центров международной торговли, только три из них (Россия, Китай и Индия) расположены в относительной близости к Центральной Азии. Исходя из этого, странам региона для экспорта своих товаров в первую очередь нужно ориентироваться именно на эти рынки. Естественно, ни Узбекистану, ни его соседям эту проблему в одиночку не решить. Однако к настоящему времени вместо согласованных действий в действиях стран региона пока преобладают узкие и односторонние инициативы сторон.

К примеру, в юго-западном направлении существует автомобильное сообщение через Иран в Турцию и далее с выходом на Европу, но оно уже не удовлетворяет требования быстро растущего потока грузов.

В южном направлении из региона дороги нет вообще. Неизвестно, в каком обозримом будущем Афганистан встанет на мирный путь развития и сможем ли мы совместными усилиями пробить торговые пути из Центральной Азии в Индию и Пакистан. Тем не менее странам региона нужно принимать активное участие в проектах строительства трансафганских железнодорожных и автомобильных магистралей, спонсируемых международными донорами. Также стоило бы другим странам Центральной Азии более активно подключаться к усилиям Узбекистана и Казахстана по подготовке инженерно-технических и других востребованных кадров для афганской экономики из числа ее молодежи.

В западном направлении регион также пока не имеет эффективного выхода к международным центрам торговли. Казахстан пытается замкнуть на себе сухопутный торговый путь из Китая в Европу, активно прокладывая пути по маршруту Хоргос (на китайской границе) и до порта Актау на Каспии. Именно в русле этих же устремлений воспринимается известная идея Нурсултана Назарбаева о строительстве судоходного канала между Каспийским и Черным морями далее с выходом через Средиземное море на Европу.

В восточном направлении пока наблюдается обратная картина. Вот

уже 26 лет Бишкек колеблется в вопросе строительства железнодорожной магистрали по маршруту Анджан—Ош—Иркештам, обеспечивающей Кыргызстану, Узбекистану, Таджикистану, Туркменистану и Афганистану ближайший сухопутный доступ к китайскому рынку (при дальнейшей проработке маршрута через китайскую территорию можно также выходить на рынки других государств АТР).

Кроме того, в случае реализации этот проект мог бы стать кратчайшим торговым маршрутом между Китаем и Европой (намного короче и дешевле, чем морской путь), а также приносить в казну Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана значительные поступления от транзита грузовых потоков, что было бы серьезным подспорьем для бюджетов этих стран в нынешних условиях.

Если рассматривать **северное направление**, то следует констатировать тот географический и исторический сложный факт, что для стран Центральной Азии наиболее освоенными являются именно маршруты, связанные с Россией. К примеру, до 70–80% объема грузовых перевозок и товаропотоков из Узбекистана приходится именно на северное направление.

Тем не менее это не снимает задачу диверсификации торговых путей. На дворе XXI век. Однако даже через шесть-семь веков геоэкономическая ситуация по-прежнему складывается не в пользу Центральной Азии, которая продолжает пребы-

вать в так называемом транспортно-коммуникационном тупике, все еще оставаясь в стороне от главных международных торговых путей.

Интеграция в Центральной Азии: исторические предпосылки и нюансы

«Все новое — хорошо забытое старое»

В последнее время в повестке дня обсуждений в рамках ЦА все активнее обозначается задача тесного регионального сотрудничества. В частности, констатируется, что необходимо объединение усилий всех пяти государств региона в вопросах налаживания транспортных маршрутов и координации проектов по выходу на крупные центры международной торговли.

Приходит понимание, что для экономического роста нужно действовать сообща, создавая друг другу возможности (а не помехи и препон), что приведет к усилению инновационной привлекательности и наращиванию торгового потенциала всего Центральноазиатского региона в целом.

Народная мудрость гласит, что «все новое — это хорошо забытое старое». В долгий период истории сложилось так, что родственные народы, населяющие регион Центральной Азии, жили сообща и в мире. Они и те же народности (племена и роды) могли быть расселены по всему региону и жить компактными группами среди таких же родственных народностей.

Более того, применительно к Центральной Азии следует говорить о тесном этническом родстве здесь народов, которые сильно перемешались в течение долгого исторического периода. В частности, начиная еще со времен саков-массагетов, а позднее — согдийцев, сосуществовавшие в регионе таджики и тюркские народности, и в особенности узбеки, не только сильно повлияли друг на друга, но и произошло своего рода этническое взаимопроникновение. В этом плане не вызывает удивления, что есть узбеки, особенно из рода мангытов (династия последних эмиров Бухары происходит из этого тюркского рода), считающие таджикский язык родным наряду с узбекским.

Поэтому, когда говорят, что «узбеки и таджики — это один народ, говорящий на двух языках», то хоят подчеркнуть их веками сложившуюся особую близость с точки зрения менталитета и культурных традиций.

Этническая близость также ярко проявляется среди тюркских народов ЦА. Примечателен тот факт, что, согласно шаджаре («генеалогическое дерево») узбекского народа по версии «Насаб-наме-йи Узбекийа», даже такие на сегодня вполне самостоятельные народы, как татары, уйгуры, кыргызы и туркмены, перечислены среди его равноправных 92 родов.

Из перечисленных народов только татары находятся в некотором отдалении от Центральной Азии, оставшись в Северном Поволжье. Однако на сегодня именно литературный язык татар весьма близок к узбекскому. А вот в Ферганской долине узбеки в этническом плане давно перемешались с уйгурами и кыргызами, в то время как узбеки Хорезма были всегда очень близки к туркменам.

Что касается узбеков и казахов, то имеются документальные подтверждения того, что они в свое время вообще составляли один народ, затем разделившись на две ветви. Даже сравнительное изучение шаджаре этих народов показывает сильное совпадение в названиях родов (до 70–80%), что свидетельствует об их близком родстве. У казахов даже есть старая поговорка, подчеркивающая особую этническую близость этих двух народов, которая звучит так: «Ўзбек — ўз оғам» («Узбек — мой брат родной»).

С другой стороны, наверное, также можно говорить об этнической, языковой и культурной близости афганцев-хорасанцев к узбекам южных регионов Узбекистана.

Примечательно, что в разных местах Узбекистана по сей день активно используются различные наречия, относящиеся к огузскому и кипчакскому диалектам, тогда как, к примеру, литературный узбекский язык создан на основе карлукского диалекта (к нему же относится и уйгурский язык). Поэтому на основе такой богатой палитры наречий узбеки могут свободно общаться со всеми другими тюркоязычными народностями.

Таким образом, соседние народы, исторически населявшие вперемежку с узбеками единый регион и жившие с ними сообща в рамках одних

и тех же государств, в этнологической памяти и историческом восприятии узбеков всегда рассматривались именно как свои сородичи.

Правда, следует констатировать, что целый ряд крупных исторических событий (распад Золотой Орды привел к оттоку крупных узбекских племен в Хорезм и другие части Моваруннахра, Хорасан попал под протекторат Англии, а Туркестан стал колонией России, где при большевиках произошло принудительное размежевание и создание пяти советских республик) породил объективные и субъективные обстоятельства, в результате которых произошло постепенное отчуждение этих народов друг от друга.

В долгие исторические времена границы в регионе ЦА не носили четкого разграничительного или непроходимого характера. Поэтому в силу этнической близости представители одних и тех же народностей по своему выбору могли одновременно проживать в составе различных существовавших здесь государств. К примеру, — нынешние Туркменистан, Хорезмская область и Каракалпакстан, а также юго-западные области современного Казахстана входили в состав Хивинского ханства;

— нынешние Бухарская, Самаркандская, Джизакская, Кашкадарьинская, Сурхандарьинская области Узбекистана и весь нынешний Таджикистан относились к Бухарскому Эмирату; — вся Ферганская долина, Ташкентская область Узбекистана, нынешние земли Кыргызстана, а также Туркестанская, Кызылордынская, Джамбылская и Алмаатинская области Казахстана входили в состав Кокандского ханства (об этом также говорит тот факт, что первое сражение колониальных войск генерала Колпаковского с Кокандской армией произошло в 1860 году при Узынагаше близ Алматы).

Веками сложившаяся форма сосуществования народов ЦА вперемежку выработала единую региональную идентичность живущих здесь людей — «туркистонлик» (то есть «туркестанец»), отодвигая вопрос об их территориальной или национальной принадлежности на второй план. Поэтому даже переехавшие из Персии бухарские евреи чувствовали себя здесь вполне комфортно и безопасно (примечательно, что община бухарских евреев в США в культурном плане до сих пор более тесно связана именно с туркестанской диаспорой, нежели с общинами еврейской общины, отмечая вместе с туркестанцами все общиные праздники).

Таким образом, еще задолго до колонизации царской Россией в регионе ЦА была сформирована сугубо внутренняя региональная идентичность. Именно в этом заключается уникальность данного региона. Из истории известно, что царской России хватило мудрости учесть эту уникальную особенность региона в своей политике, когда она по совету тогдашних русских краеведов и востоковедов решила назвать созданное здесь новое административное образование Туркестанским генерал-губернаторством с центром в Ташкенте.

Review Центральная Азия

Быть ли Соединенным Штатам Евразии?

После Октябрьской революции и установления власти большевиков региональная идентичность народов ЦА нашла свое яркое проявление в том, что проживающие здесь народы не захотели делиться по национальному признаку, пытаясь создать единую для всех Туркестанскую автономию со столицей в Коканде, первыми руководителями которой стали знаменитые джидды Мухамеджан Тынышпаев, Мустафа Чокай, Абиджан Махмудов и др.

Примечательно: даже тогда туркестанцы рассматривали будущее своего региона в тесной связи с Россией. В частности, в одном из своих выступлений М. Чокай заявил: «Построить с ходу полноправное государство нелегко. Для этого нет ни кадров, ни опыта. И главное — нет армии, чтобы защитить будущую автономию. Как бы ни была ослаблена Россия, она гораздо сильнее нас. С Россией мы должны жить в мире и дружбе. Это диктует сама география. Я не приемлю политику Советов, но верю в разрушительную силу большевиков».

Дальнейший ход истории подтвердил прозорливость М. Чокая. Народный комиссариат по делам национальностей во главе со Сталиным провел принудительное национальное размежевание народов ЦА, что привело к возникновению на политической карте региона пяти республик, разделивших туркестанцев по советской модели национализма, завязанной на этническом и языковом принципах.

Проблема разделенных народов — самая главная проблема. Не будь того принудительного размежевания, ныне узбеки, казахи, кыргызы, туркмены и таджики, возможно, сохранили бы ту исторически сложившуюся идентичность, став как бы пятью разными лицами одной региональной идентичности. И главное, могли бы избежать многих нынешних проблем и противоречий между собой, заложенных большевиками по принципу «разделяй и властвуй», требующих конструктивного решения в наших общих интересах.

Выражение «туркестанцы» теперь сохранилось лишь в самоназваниях туркестанских диаспор в Саудовской Аравии, Пакистане, Иране, Турции и США (кстати, именно так и называется до сих пор существующая ассоциация, созданная в 1958 году в г. Нью-Йорке туркестанцами, переехавшими в США еще в середине XX века), где оно также постепенно стирается и теряет свое прежнее значение по мере ухода из жизни старших поколений.

Оглядываясь в прошлое, можно отметить, что веками сложившаяся региональная идентичность народов ЦА в том восприятии, которое существовало еще сто лет назад, на сегодня почти утрачена. Более того, опыт взаимоотношений государств ЦА за тридцатилетний период независимого развития показывает, что зачастую национальные и узкогосударственные интересы стран ЦА теперь значительно превалируют над общерегиональными.

Исторические взаимоотношения между Россией и Узбекистаном: некоторые аспекты

Затрагивая обстоятельства установления российского колониального господства в Центральной Азии, а также рассматривая период сосуществования в рамках единого советского государства, необходимо учитывать различные аспекты исторических взаимосвязей между русским и узбекским народами.

Известно, что Россия является второй евразийской державой, контролировавшей северные направления торговых маршрутов Великого шелкового пути. Первой была Золотая Орда в период своего наивысшего расцвета и могущества, который приходится на время правления Мухаммада Узбекхана (правил в 1313–1341 годах). Столица его государства находилась в городе Сарай (где-то в районе нынешнего Волгограда). Тогда Золотая Орда территориально состояла из четырех крупных частей: (1) Поволжье, (2) Даг-шт-и-Кипчак, (3) Северный Кавказ и Крым, а также (4) древний Хорезм (впрочем, в тот период границы Хорезма простирались до Астрахани на Каспии на севере до Ирана и Афганистана на юге).

В тот период значительная часть нынешнего Узбекистана, а именно его хорезмский регион, территориально входила в состав Золотой Орды. Более того, в Википедии отмечается, что Узбекхан прибыл в столицу Золотой Орды именно из Ургенча и вошел на трон в 1313 году (возможно, он родился в Ургенче, но в любом случае является выходцем из Ургенча — прим.). В пользу его крепкой связи с нынешним Узбекистаном также свидетельствует тот

факт, что он принял ислам в 1320 году от известного суфийского святого Занги-оты (его мавзолей находится в Зангиатинском районе под Ташкентом) и его преемника Сейид-оты, объявив затем ислам государственной религией Золотой Орды. Согласно одной из версий, именно с этого момента всех его сторонников, которые, последовав примеру Узбекхана, приняли ислам, стали называть узбеками (или «узбекцами» — в старорусском выражении).

При этом особый исторический интерес для узбекско-русских отношений представляет тот факт, что именно благодаря всесторонней поддержке Узбекхана произошло значительное политическое и военное усиление московских князей, которые постепенно начали собирать разрозненные русские княжества вокруг себя, положив начало процессу становления Руси как единого государства с центром в Москве.

Так, Узбекхан выдал родную сестру замуж за великого московского князя Юрия III, что помогло Москве добиться более тесного политического сближения с Золотой Ордой. Установление родственных отношений обеспечило Москве возможность заручиться также военной поддержкой Узбекхана, серьезно усилив ее позиции среди других русских княжеств. Более того, Узбекхан в 1331 году выдал Ивану Калите ярлык на правление всеми территориями Северо-Восточной Руси.

Узбекхан также активно поддерживал русских князей в защите своих земель от иноземных захватчиков. Так, в 1337 году он просто не дал Польше Королевству возможность захватить Галицко-Волыньское княжество, направив по просьбе волынского боярина Дмитрия Дедко 40-тысячное войско против армии польского короля Казимира III Великого. Кроме того, Узбекхан и его «узбеки» также не раз проводили демонстрацию силы в адрес Литвы, чтобы удержать Гелдимира от прямых нападений на русские земли, а также от оказания поддержки полякам в их захватнических походах.

Примечательно, что близость исторически сложившихся связей между хорезмским регионом (как исторической части Золотой Орды) и Россией нашла свое проявление в более поздние времена, когда территория нашего региона была разделена между Хивинским и Кокандским ханствами, а также Бухарским эмиратом.

Общезвестно, что среди этих среднеазиатских государств наиболее тесные контакты, в том числе и политического характера, с Россией поддерживала именно Хива. Согласно документальным источникам, Хивинское ханство стремилось расширить торговые связи с Россией, а также получить через ее территорию выход на европейский рынок. В частности, в начале XX века премьер-министр Хивинского ханства Исламходжа заручился поддержкой российского императорского дома проекта строительства железной дороги из Южно-Урала до Хивы.

Однако ввиду происшедших затем геополитических изменений (Хивинское ханство после Октябрьской революции было ликвидировано), потребовалось более ста лет, чтобы в 2019 году Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев, открывая железнодорожный вокзал в Хиве и приветствуя первый в истории поезд, прибывший в этот город по только что проложенному маршруту через Ургенч, образно отметил, что «накоплено мечта Исламходжи сбылась».

Также известны и другие факты соприкосновения нашей истории с тогдашней Россией. В этой связи вспоминается дружеский спор двух моих знакомых о том, как пошло бы историческое развитие на евразийском пространстве, если бы Амир Темур не воевал с Османским султаном Баязидом или ханом Золотой Орды Тохтамышем, разбив их армии. При этом спорщики доказывали друг другу, что в первом случае, могла или не могла Европа сегодня быть европейской частью современной Турции, а во втором — русские княжества, входившие в состав Золотой Орды, могли бы составить объединенное мощное государство, диктовавшее свою волю на европейской и азиатском континентах. Единственное, в чем спорщики были единого мнения, что с точки зрения сегодняшнего дня от этих побед Темура в первом случае выиграли европейцы (значит, не зря в Париже ему установили хоть и небольшую, но все же статуэтку с надписью «Освободитель Европы»), а во втором — русский народ и тогдашние княжества, которые благодаря полному разгрому государства Тохтамыша освободились от господства Золотой Орды, а впоследствии создали мощную Россию.

К сожалению, подобные примеры исторической взаимосвязи судеб наших народов по каким-то причинам практически не освещаются в современной научно-популярной и художественной литературе. Возникает вопрос: а не настало ли время, например, реализовать совместный проект создания исторического фильма — эпопеи о взаимосвязи и переплетении судеб наших народов. Без всяких сомнений, это послужило бы более глубокому осмыслению нашей общей истории, истоков общности обоих народов, выстраиванию взаимовыгодных российско-узбекских отношений на длительную перспективу.

Независимость и Центральная Азия: новая эпоха региональной интеграции

С развалом СССР и обретением независимости в повестке дня региона вновь возникла идея об объединении стран региона в интеграционную структуру. Это наглядно проявилось в главном идеологическом тезисе нового интеграционного процесса в ЦА, которым по предложению выдающегося писателя и мыслителя Чингиза Айтматова стал лозунг «Туркестан — наш общий дом». Как видим, этот лозунг вновь апеллировал к общественно-политиче-

скому сознанию региона, существовавшему в начале прошлого, XX века, что было совершенно понятным и вполне ожидаемым для общности ЦА.

Этот период начавшегося процесса региональной интеграции бывших советских среднеазиатских республик можно условно разделить на два этапа.

Первый этап охватывает период с 1992 по 2006 год. 30 апреля 1994 года в г. Чолпон-Ата был подписан трехсторонний договор (Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан) о создании единой экономической зоны, позднее получившей название Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). Позднее к ЦАЭС присоединился и Таджикистан после завершения гражданского противостояния в этой стране.

По итогам встречи президентов ЦА, состоявшейся в декабре 2001 года в Ташкенте, ЦАЭС было преобразовано в Организацию Центрально-Азиатского сотрудничества (ОЦАС). Договор о ее учреждении был подписан 28 февраля 2002 года в Алматы.

Еще через два года Россия подала заявку для вступления в члены ОЦАС. Она вступила в ряды Организации на очередном саммите ОЦАС, состоявшемся 16 октября 2004 года в Душанбе. Ожидалось, что сам факт вступления России в ОЦАС должен был существенно усилить эту структуру.

Однако еще через год, в ходе саммита глав государств — участников ОЦАС, прошедшего 6–7 октября 2005 года в Санкт-Петербурге, Президент РФ В. В. Путин предложил объединить ОЦАС с ЕвразЭС, существовавшим параллельно (с 2000 года Казахстан и Кыргызстан входили в обе структуры). И в 2006 году ОЦАС была окончательно ликвидирована.

Ликвидация ОЦАС путем ее поглощения со стороны ЕвразЭС привела к тому, что произошла фактическая подмена региональной повестки дня евразийской. Неготовые к такому повороту Узбекистан и Таджикистан не стали вступать в ЕвразЭС. Таким образом, с того момента интеграционные процессы в ЦА оказались практически замороженными на целых десять лет.

Анализируя итоги первого этапа интеграции, эксперты отмечают и другие моменты, которые также тормозили региональное объединение, в частности:

- сказалась неопытность, а лидерские и политические элиты стран ЦА, не осознав преимущества и выгоды интеграции, так и не смогли подняться выше отстаивания интересов своих стран в ущерб общерегиональным задачам;
- государства ЦА выбрали разные модели реформ, в результате чего потерпели крах намерения стран региона по ведению согласованной бюджетной, налоговой, ценовой, таможенной и валютной политики;
- была допущена узконациональная или политизированная трактовка общей истории региона в угоду собственным интересам, что привело к возникновению на этой почве ненужных трений и споров;

— стремление к интеграции и встрече лидеров ЦА носили больше формальный характер, а их заявления стали декларативными и остались на бумаге.

Таким образом, перечисленные выше моменты вместо синхронизации интеграционных процессов отдаляли государства друг от друга, отодвинув региональную повестку дня в ЦА на второй план, что и стало логичной основой ликвидации ОЦАС.

Второй этап в региональной интеграции начался в 2016 году с приходом к власти в Узбекистане Президента Ш. М. Мирзиёева, который объявил Центральную Азию и отношения с соседними странами главным приоритетом внешней политики государства. Как отмечают наблюдатели, за короткий срок ему удалось запустить весьма позитивные тренды на региональном уровне. Новый курс Узбекистана, вышедшего из долгой самоизоляции, начал оказывать положительное воздействие на процессы в соседних странах, оздоровив геополитическую ситуацию и взаимное доверие во всем регионе.

Узбекский лидер также инициировал проведение неформальных консультативных встреч глав государств ЦА, первая из которых состоялась 15 марта 2018 года в Астане, а вторая — 29 ноября 2019 года в Ташкенте.

При этом, отмечают эксперты, весьма показательным и принципиально важным стал новый формат встреч: главы ЦА собирались вместе без участия третьих сторон впервые после 20-летнего перерыва (до этого они встречались только под чутким вниманием послов или других высокопоставленных представителей тех стран, которые получили статус наблюдателя при прежних ЦАЭС-ОЦАС (среди них были США, Россия, Турция и др.).

На нынешнем этапе локомотивом региональной интеграции выступают Ташкент и Нурсултан (как в Евросоюзе Берлин и Париж), которые в новых условиях особенно важно избежать или даже бороться с таким понятием, как «соперничество за лидерство». Несмотря на то что оба государства не демонстрируют желаний «соперничать» между собой, деструктивные силы извне всячески пытаются навязать и внедрить этот концептуальный тезис в систему их взаимоотношений, муссируя связанную с этим тему в СМИ через ангажированных экспертов.

Что касается конкретных действий по интеграции, то узбекская сторона уже предложила своим соседям согласовать Единое видение многостороннего сотрудничества в ЦА (представляется разумным, если это предложение приведет к подготовке и принятию Концепции, в которой будут обобщены и отражены единые подходы стран региона к многосторонним аспектам интеграции), провести Инвестиционный форум стран региона, создать единый и узнаваемый туристический бренд ЦА, а также разработать общие туристиче-

ские маршруты вплоть до учреждения единой туристической визы. Кроме того, во избежание прежних ошибок главными пунктами повестки дня нынешнего этапа могли бы стать следующие:

1. Скорейшее завершение процессов делимитации и демаркации границ, в том числе и при необходимости на взаимные уступки и равноценный обмен территориями. (Важно понять: без четкого, мирного и окончательного решения данного вопроса вообще не будет полноценной интеграции. Ныне этот вопрос является одним из факторов, реально тормозящих сближение соседствующих народов, являясь одновременно потенциальным поводом для провоцирования конфликтных ситуаций, а также внешнего вмешательства и манипуляций).

2. Регулирование самых сложных и уязвимых аспектов отношений между государствами ЦА, в особенности по трансграничным рекам, водным ресурсам и энергетическим проблемам, что в конечном итоге приведет к преодолению разногласий, значительному снижению напряженности, а также повысит взаимное доверие в регионе. (Решение этих вопросов должно быть очень основательным и комплексным, чтобы не оставлять никаких шансов на возникновение разногласий и конфликтов по ним в будущем. Поэтому крайне важно не ограничиваться только устными или декларативными заявлениями сторон. Необходимо с учетом существующей практики, проработать общие правила, конкретные права и обязанности сторон, которые нужно зафиксировать путем принятия общерегиональных договоров (особенно по водным ресурсам и строительству ГЭС.) На основе международного права в этих договорах также необходимо предусмотреть применение конкретных финансовых и других санкций, если какая-либо из сторон не выполнит свои обязательства);

3. Формирование единого рынка, обеспечение свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, а также туристов.

4. Формирование единого информационного пространства внутри региона, в том числе путем учреждения единого информационного агентства ЦА, при котором можно было также обеспечить функционирование общерегиональных теле- и радиоканалов, что должно постепенно привести к формированию единой идентичности ЦА (внутри региона, без участия третьих сторон), что может способствовать сближению позиций сторон в формировании единых подходов по вопросам внешней и внутренней политики путем выработки рекомендаций парламентам и правительствам стран региона.

Review Центральная Азия

6. Достижение единой научной трактовки исторических событий в регионе и издание совместных учебников по общей истории народов ЦА, а также обеспечение одинакового преподавания по ним в школах и вузах, укрепляя тем самым межнациональное согласие, доверие и взаимное уважение в регионе (к примеру, есть шеститомное издание ЮНЕСКО «История цивилизаций Центральной Азии». Опубликовано в Париже на английском языке).

7. Формирование регулярного механизма взаимных региональных консультаций, способного действовать в рабочем режиме, чтобы координированно выработать и озвучить единые позиции стран региона по актуальным вопросам региональной и международной повестки.

С учетом изложенного представляется, что государства ЦА находятся только на начальном этапе своего пути к интеграции. Однако его дальнейший успех будет зависеть во многом от того, перестанут ли страны ЦА видеть друг в друге конкурентов или все же ближайших партнеров, заинтересованных во взаимной поддержке и объединении усилий в борьбе за те же транспортные коридоры, инвестиции и торговые привилегии.

Эксперты верно подметили, что политические элиты стран ЦА только привыкают действовать сообща. В этом контексте хорошим починком можно считать тот факт, что Ташкент и Нурсултан в октябре 2020 года выступили с общим Заявлением по событиям в Кыргызстане.

Следует ожидать, что в дальнейшем к такому формату подключатся и другие страны региона. Тогда взаимодействие лидеров будет происходить на регулярной основе, то есть в ожидаемом рабочем режиме, приобретая более стабильный ритм, а также конструктивный взаимовыгодный характер.

Геополитика Центральной Азии: основные игроки

Сегодня геополитическая ситуация в ЦА значительно изменилась, если ее сравнить с началом XX века. Наряду с Россией активными внешними игроками в регионе стали Китай, США и Турция. Кроме того, сами страны ЦА, став независимыми, стремятся с разной степенью успешности проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, выстраивая отношения как между собой, так и с зарубежными странами.

Тем не менее, взяв непохожий старт, теперь очень важно не потерять набранный темп и не сбиться с пути. А такой риск вполне реален, и более того, он уже существует.

Что имеется в виду? Сказав, что Центральная Азия стала еще одним объектом противостояния между крупными державами мира, не открещайтесь Америку. Сегодня здесь реализуют свои стратегические интересы различные международные центры силы. Поэтому все, что здесь происходит на региональном уровне или в отдельно взятой стране, находится под пристальным вниманием конкурирующих сторон. И в принципе это вполне ожидаемо.

К сожалению, в современном мире так называемые политтехнологии воздействия зачастую применяются в разрушительном плане, особенно если это касается развивающихся стран. Крупные внешние игроки способны нажать на те или иные рычаги воздействия, чтобы вынудить каюлибо страну двинуться в выгодном для них политическом русле. К примеру, если та же перспектива вхождения Узбекистана в ЕАЭС не приносит радости одним внешним силам, то сближение Ташкента с западными центрами силы не нравится другим.

Сегодня в мире происходит процесс переустройства ранее сложившейся системы межгосударственных отношений. Разворачиваются новая поляризация, борьба за рынки и ресурсы, открытое стремление сильных доминировать над слабыми, жесткое, на грани силовых действий отстаивание собственных экономических интересов.

Все эти глобальные явления непосредственно сказываются на геополитических процессах внутри и вокруг региона ЦА.

США. Начиная где-то с середины 1990-х годов стали проявляться попытки США реализовать сугубо региональный подход к ЦА. Как отмечают американские эксперты, в основе такого подхода лежит намерение Вашингтона «помочь странам региона объединиться в рамках региона, чтобы они, в свою очередь, могли успешно противостоять давлению со стороны России и Китая».

На первоначальном этапе Вашингтон даже пытался помочь сформировать коллективное военное подразделение под названием «ЦентрАзБат». Когда эта затея провалилась, в 2015 году возникла идея диалога в формате «5+1» на уровне министров иностранных дел.

В начале февраля 2020 года Госдепартамент США представил новую американскую стратегию по Центральной Азии, рассчитанную на пять

29 ноября 2019 года в Ташкенте состоялась Консультативная встреча глав государств Центральной Азии, в которой приняли участие: Президент Кыргызской Республики Талант Мамытов, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов, Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев и Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев

лет (2020–2025), которая призвана заменить аналогичный документ 2015 года, составленный еще при администрации Барака Обамы.

В документе утверждается, что на сегодня США уже вложили в регион большие средства: \$9 млрд прямой помощи на государственном уровне, \$31 млрд частных инвестиций и более \$50 млрд в виде кредитов и технической помощи от международных структур с участием США (Всемирного банка, МВФ и ряда других организаций). Отдельно отмечается, что США вложили более \$90 млн в укрепление границ государств ЦА, провели 200 военных учений и повысили квалификацию более 2,6 тыс. пограничников. Кроме того, 40 тыс. школьников, студентов, специалистов и госслужащих из стран региона прошли стажировку или обучение в США.

На фоне этих практических действий, на концептуальном уровне США активно продвигают идею «Большая Центральная Азия», рассматривая Афганистан как часть региона. Некоторые российские и центральные азиатские эксперты, усматривая в этой концепции попытку Вашингтона ввести регион из-под влияния России и Китая, ошибочно преподносят Афганистан как некий чужеродный элемент для ЦА, упуская из виду (или сознательно игнорируя) исторически сложившиеся геополитические реалии в Центральной Азии.

Так, если рассматривать Афганистан в историческом ракурсе, то эта страна, и в особенности его северные и центральные территории, также известные под названием Хорасана, всегда тяготели к Мовараннахру (или позднее — к Туркестану), нежели к Пакистану или Индии. С этой точки зрения, именно вышеназванные части территории Афганистана, в отличие от пуштунских провинций на юге, всегда были активным участником политических процессов, происходивших в регионе ЦА.

Персидские, тюркские и другие династии, сменяя друг друга, создавали в Хорасане свои государства, которые всегда поддерживали самые тесные политические, торгово-экономические и этнокультурные связи с народами Туркестана. Очевидным является и тот факт, что в этой стране проживает большое количество узбеков, таджиков и туркмен (более трети всего населения страны), при этом являясь, заметьте, не диаспорой, а коренным жителями наряду с пуштунами и другими. К примеру, в этой стране (Г. Герат) родился и жил основоположник узбекской классической литературы Алишер Навои. Узбекский язык, на котором говорят в десяти афганских провинциях, является официальным языком этой страны наряду с пушту и дари. Более того, несколько поколений узбекских правителей, от Амира Хусейна до Хусейна Бойкара, в свое время правили на троне в Кабуле, возглавляя основанные ими государства.

Разумеется, у США есть свои стратегические интересы в ЦА, отличающиеся (возможно, даже прямо противоположные) от российских или ки-

тайских. Однако представляется, что они занимаются Центральной Азией всерьез и основательно. Похоже, американским исследователям во главе с ведущим специалистом по ЦА Фредериком Старром удалось таки проникнуть в достаточно глубинные исторические пласты региональной памяти. Будет правильнее сказать, что доктор Старр вывел идеологическую начную концепцию под названием «Большая Центральная Азия» практически из глубины веков как основу для выстраивания новой геополитической конфигурации в регионе. Наверное, это и есть высокое мастерство оперирования историческими данными применительно к современным геополитическим реалиям.

Тем не менее нужно признать, что в обозримом будущем Вашингтон не может конкурировать с Москвой в плане оказания влияния на регион. Соединенные Штаты, попытавшиеся в начале 2000-х годов стать важным игроком в регионе (чего стоит одна только военная база в Ханабаде), сегодня способны лишь реагировать на отдельные события, которые происходят в центральноазиатских странах. Подтверждением этому, к примеру, является тот факт, что официальный визит секретаря США Майка Помпео в Казахстан и Узбекистан, состоявшийся в начале февраля 2020 года, стал первым за последние пять лет визитом американского дипломата высшего уровня в Центральную Азию.

Китай. Эта страна уже превратилась в одного из основных экономических партнеров для стран ЦА, предлагая дешевые товары, существенные гранты и кредиты под низкие проценты. Так, долги Кыргызстана (\$1,7 млрд) и Таджикистана (\$1,2 млрд) перед Китаем уже составляют до 20% их ВВП.

Как верно отмечают эксперты, региональные устремления Китая обусловлены тем, что Пекин рассматривает регион как: (1) буферную зону между Афганистаном и Синьцзяном (в этом граничащем с Центральной Азией уйгурском автономном районе проживает около 1,5 млн этнических казахов, 180 тыс. киргизов, 50 тыс. таджиков и 10 тыс. узбеков); (2) связующее звено между Европой и Китаем (кратчайший путь для пережелезнодороживания и пассажиров по суше); (3) поставщик богатых природных ресурсов.

На сегодня для стран ЦА китайская доля составляет около 22% всего экспорта и 37% импорта. К примеру, суммарный объем природного газа, закупленного по состоянию на октябрь 2019 года только из Туркменистана, составил 252,1 млрд кубометров.

Как отмечают эксперты, в своей стратегии Китай также придерживается следующих правил: невмешательство во внутренние дела стран и их отношения друг с другом, упор на экономическое сотрудничество, улучшение своего имиджа. Кроме того, в обмен на кредиты и активное экономическое сотрудничество Пекин ожидает, чтобы страны ЦА соблюдали принцип «единогласия» (Тайвань — неотъемлемая

часть КНР) и борьбы против «трех зол» (терроризма, экстремизма, сепаратизма).

Ранее Пекин, не проявляя особого интереса к выработке регионального подхода, предпочитал выстраивать отношения с каждой страной региона на двусторонней основе, исходя из ее потребностей и экономического состояния. Однако в последнее время Китай внес определенные изменения в свою региональную тактику, что проявилось в проведении (по примеру американцев) в июле 2020 года первого заседания в формате «Центральная Азия + Китай» в онлайн-режиме (на уровне министров иностранных дел пяти стран региона и Китая).

В целом при сложившихся реалиях инициатива Пекина «Один пояс, один путь», преследующая цель воссоздания Великого шелкового пути в его современном контексте, может отвечать интересам стран Центральной Азии. Хотя существуют опасения некоторых экспертов, что это приведет к росту влияния Китая, странам региона стоит рассмотреть благоприятные возможности от участия в данном проекте.

При этом эксперты указывают на то, что, проявляя явную заинтересованность в получении сырья из региона, Китай пока особо не спешит переместить сюда высокотехнологичные производства и создавать свои индустриальные цепочки (кластеры).

Турция. Концептуальную основу геополитических подходов Турции к Центральной Азии составляет признание Туркестана исторической родиной своих предков.

Следует отметить, что на первоначальном этапе независимости Турция выступила для многих стран Центральной Азии авторитетным политическим партнером-союзником. В частности, Турция стала первым государством в мире, признавшим независимость стран Центральной Азии. В этом плане Турция также является первой зарубежной страной, развернувшей активное экономическое сотрудничество с регионом, где турецкие компании реализуют проекты в области строительства, телекоммуникации и текстильной промышленности. Так, турецкие инвестиции в один только Казахстан составили почти \$20 млрд.

Как отмечают эксперты, важным инструментом сотрудничества Анкары со странами региона является Тюркский совет, который значительно нарастил свою мощь и авторитет на международной арене в связи с вхождением в него Узбекистана осенью 2019 года.

С опорой на культурную близость и этнолингвистическую идентичность на первоначальном этапе постсоветского периода Турция попыталась создать тюркский союз со странами ЦА. Однако позже, где-то с середины 1990-х годов, Анкара пришла к пониманию, что она не сможет стать ключевым игроком в Центральной Азии, соответственно скорректировала свои подходы.

В частности, Турции пришлось учитывать позиции держав, имеющих здесь давние интересы. Так, в Анкаре заметили, что в регионе в политическом и военном плане давно доминирует Россия, а в финансовом и торгово-экономическом — активно наращивает свое влияние соседний Китай, не говоря уже о присутствии США и Евросоюза, для соперничества с которыми в региональном масштабе у нее просто не хватит сил. Представляется, что именно на этом видении базируется нынешняя тактика турецкой стороны, которая по отношению к региону применяет сравнительно взвешенный, прагматичный и конструктивный подход.

С другой стороны, страны ЦА, по ряду причин оказавшиеся вдали от передовых магистралей глобализации, технологического, научного и цивилизационного развития мира, также нуждаются в заимствовании передового опыта Турции, которая как раз весь период своей истории была в гуще указанных выше глобальных процессов.

Как подчеркивают отдельные аналитики, в этом плане Турция для стран ЦА на самом деле может стать не только одним из примеров успешного развития, но также и воротами в Европу, европейскую цивилизацию, к которой отчасти относятся и США. Кроме того, Турция может предложить странам ЦА инвестиции, технологии и свои морские порты, получив взамен доступ к рынкам региона (более 70 млн человек), а также к каспийской энергетической игре, учитывая намерение Анкары стать одним из энергетических хабов в Европе.

В этом контексте, как отмечает ряд экспертов, страны Центральной Азии и Турция выступают естественными партнерами, заинтересованными во взаимовыгодном использовании потенциала друг друга.

Однако на протяжении всего постсоветского периода в российских медиа муссируется вопрос о «пантюркизме» и «Великом Туране». Допустим, что у части российской элиты, возможно, имеются вполне обоснованные (с их точки зрения) опасения об устремлениях Анкары к созданию геополитических конфигураций, включая в нее сугубо тюркские государства ЦА на латинский алфавит называя им турецкой стороной.

Что касается часто упоминаемых утверждений о создании Великого Турана, то мы, живя в Узбекистане, вообще даже не обсуждаем этот вопрос. Вряд ли кто-то всерьез может предполагать, что, прошедшие самые трудные 30 лет суверенного развития, государства региона могут вновь мечтать о «старшем брате». Подобные измышления являются не чем иным, как плод большого воображения ангажированных «экспертов», мечтающих вбить клин в наши взаимоотношения с еще одним естественным союзником в лице Турции.

Центральная Азия и Россия: быть ли Соединенным Штатам Евразии?

Эпоха правления Б. Ельцина (так называемый «ельцинизм») не только выявила несостоятельность идеи принудительного строительства социализма (даже в Китае поняли, что для социализма нужен крепкий базис, то есть высокоразвитая экономика, способная вырастить только из недр капитализма), но и привела к большому геополитическому потере для России.

На волне ельцинского популизма («берите независимости столько, сколько хотите!») российская политическая элита не обращала на эти потери должного внимания. Наоборот, как по команде, легко и просто разрывались связи с бывшими советскими национальными окраинами, как с «лишним балластом, мешающим благополучию россиянам».

Спохватились где-то к концу 1990-х, когда развернулась война в Чечне и возникла угроза отторжения всего Северного Кавказа. К примеру, военно-политической элите РФ пришлось признать весьма неприятный для нее факт, что с распадом СССР Россия потеряла крупное геополитическое поражение и на центральноазиатском направлении.

Пришло осознание того, что после столетнего периода практически единоличного господства в этом обширном и богатом природными ресурсами регионе Россия больше не имеет монополии на Центральную Азию. Более того, ее бывшие позиции стали активно замещаться такими новыми влиятельными внешними акторами, как Китай и США.

Только с начала 2000-х годов Москва пытается восстановить вновь свое присутствие в регионе. В основе ее нынешней геополитической стратегии заложено концептуальное утверждение о том, что для России «регион представляет собой часть так называемого ближнего зарубежья/постсоветского пространства, которое входит в зону ее исключительно важных жизненных интересов».

Однако анализ данного положения российской стратегии в отношении ЦА свидетельствует о недостаточной проработанности всех аспектов этой важнейшей проблемы. Представляется, что дух высказываний Александра Солженицына о среднеазиатском «подбрюшье» незримо присутствует в работах немалого числа российских экспертов и политологов, что уже подразумевает применение на практическом уровне в большей степени мер «против» нежели «за».

Смысл такого утверждения сводится к тому, что эти страны «никуда не денутся» и, если понадобится, «приползут на коленях». Представляется, подобный подход основан на искаженном (выдать желаемое за действительное) восприятии тех неотвратимых геополитических изменений, происшедших во всем мире в целом и в Центральной Азии в частности.

Быть ли Соединенным Штатам Евразии?

Президент России Владимир Путин и президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев во время церемонии подписания совместных документов по итогам российско-узбекских переговоров в государственной резиденции «Куксарой», 10 октября 2018 г.

Однако попытка восприятия реалий, сложившихся в ЦА на современном этапе, через призму подобных ложных посылов, в свою очередь, приводит к неверным оценкам и трактовкам происходящих в регионе процессов. В частности, заметно, как взаимовыгодные контакты государств региона с другими внешними акторами воспринимаются иногда крайне болезненно и чуть ли не как настоящий вызов интересам России.

Представляется, что подобный подход не позволит российскому политическому и интеллектуальному сообществу сформулировать адекватное видение и восприятие не только тех неувратимых изменений, происшедших в общественном сознании народов региона, но и ту новую геополитическую конфигурацию внутри и вокруг Центральной Азии, которая уже успела сложиться в постсоветский период, притом на совершенно другой основе.

Хуже всего, когда искажения концептуального плана увеличивают риск внешнеполитической дезориентации, то есть могут привести к принятию Россией непродуманных или неверных решений в отношении региона.

Мне, как политологу, приходится отслеживать выступления и публикации о нашем регионе или родном Узбекистане, в том числе негативного плана, которые особенно неприятны именно в данный период, когда, к примеру, нашу страну активно приглашают в ЕАЭС.

К сожалению, в рассматриваемом контексте нас тревожит тенденция использования платформ российских массмедиа для осуществления разного рода срежиссированных атак в отношении региона. В частности, настораживает та легкость, с которой в России получают регистрацию интернет-издания и сайты, которые целенаправленно занимаются информационными вбросами против стран Центральной Азии.

Кроме того, в последнее время в российском информационном поле по отношению к ЦА наблюдаются случаи снобизма, проявления высокомерно-покровительственного отношения и некорректные высказывания отдельных депутатов Государственной думы, а также экспертов и журналистов. Под видом дискуссий, устраиваемых различными ток-шоу на федеральных каналах российского телевидения, озвучиваются достаточно провокационные тезисы касательно общего прошлого и перспектив взаимоотношений постсоветских стран. Нам могут возразить, что тут многое рассчитано на внутреннюю аудиторию России, хотя эти программы смотрят на обширном пространстве от Израиля до Монголии с аудиторией в 500 млн человек.

Представляется, что российским политическим элитам не хватает элементарного понимания того, что подобные проявления воспринимаются в странах ЦА как попытка Москвы

реанимировать в регионе свою былую роль «старшего брата», что настораживает общественность и способствует дальнейшему отторжению региона от России.

Разумеется, эксперты имеют право высказаться. В демократическом обществе публичная дискуссия, в том числе на политическую тематику, вполне нормальное явление. Однако если интеллектуальные элиты России действительно намерены обеспечить сближение наших стран, то тогда становится принципиально важным, чтобы эти ток-шоу проходили с четким соблюдением международной протокольной этики, без перекосов и прямых оскорблений. Ведь дружественная страна, пытающаяся доминировать на постсоветском пространстве, не должна допускать, чтобы ее массмедиа применялись против ее же партнеров.

Известно, что ангажированные высказывания и заявления имеют достаточно мощную разрушительную и деструктивную силу. Было бы просто наивным и ошибочным полагать, что политические и экспертные сообщества стран ЦА не замечают эти «игры», затрагивающие национальные чувства и интересы наших народов. Не говоря уже о том, что вышеупомянутые действия прямо противоречат официальной внешнеполитической курсу Российской Федерации. Опасность заключается в том, что подобная тенденция может подорвать доверие к Москве и ее политике, а также привести к срыву планов, уже согласованных на уровне лидеров. В частности, тонкость этих моментов проявилась в дискуссиях, развернувшихся вокруг вопроса о вступлении Узбекистана в ЕАЭС.

Тем не менее похоже на то, что в последние время российская сторона начала учитывать те новые геополитические реалии и особенности ЦА, которые упоминались выше. В частности, очень надеюсь, что в Кремле растет понимание того, что на самом деле в регионе существует внутренний круг проблем, которые должны быть решены без привлечения «игроков» извне, в том числе даже самых дружественных государств. Ведь предыдущий опыт (2006–2016 годы) ясно показал, что без решения вопросов внутрирегиональной повестки дня государствам ЦА будет просто трудно идти дальше.

С этих позиций, то есть именно как корректировку регионального подхода России, склонны воспринимать наши эксперты недавнюю новость о том, что отныне Москва будет развивать сотрудничество с регионом в формате «ЦА + 1». Так, состоявшееся 15 октября 2020 года (в онлайн-формате) совещание глав МИДов России и пяти государств региона впервые прошло именно на основе этого формата, представляющего собой совершенно новую геополитическую конфигурацию для наших взаимоотношений.

Более того, состоявшееся на таком фоне принятие 11 декабря с. г. Узбе-

кистана в ЕАЭС в качестве наблюдателя подтверждает ценность новых реалистичных подходов России по отношению к государствам региона.

Однако следует отметить, что вступление Узбекистана в эту структуру вновь вызвало среди местного экспертного сообщества дискуссии о возможном несоответствии между двумя интеграционными проектами: (1) в рамках Центральной Азии и (2) в рамках ЕАЭС. В частности, высказываются некоторые опасения по поводу реанимации вышеупомянутой практики 2005 года, когда центральноазиатская региональная повестка дня была заменена евразийской, что тогда привело к замораживанию интеграционного процесса внутри региона ЦА.

В этой связи выражаем надежду, что на этот раз стороны, исходя из предыдущего опыта, все же будут настроены по-другому, чтобы не возникло оснований для беспоконья подобно рода. Кроме того, существует ряд новых обстоятельств, которые нужно учесть сторонам на этом этапе.

Во-первых, сама Россия является активным участником или партнером множества других, кроме ЕАЭС, проектов многостороннего формата (ШОС, СНГ, Евросоюз, НАТО, союзное государство с Белоруссией и т. д.), что воспринимается как вполне закономерное явление.

Кроме того, доминирующая роль России в рамках ЕАЭС признается всеми ее участниками. По этой причине Москве не стоит поддаваться соблазну какого-либо давления на других участников структуры. Они, как суверенные государства, также имеют право вести диалог или наращивать сотрудничество в рамках других, кроме ЕАЭС, проектов.

Центральноазиатским партнерам России просто не уйти от этого вопроса, потому что, как верно отметил один из экспертов, сегодня свои форматы сотрудничества с регионом ЦА есть у многих стран: «С5 + 1», разработанный в США, стратегия Евросоюза в отношении Центральной Азии, политика Индии «Объединяя Центральную Азию», диалог «Центральная Азия плюс Япония», «Евразийская инициатива» Южной Кореи, Тюркский совет Турции, а также недавно созданный формат «Центральная Азия + 1» России.

Во-вторых, участие стран Центральной Азии в ЕАЭС никоим образом не должно препятствовать им отработать свою сугубо региональную повестку дня, о которой говорилось выше, что не касается интересов российских партнеров третьих сторон.

Что касается геополитической конфигурации внутри региона ЦА, нам представляется верным экспертное утверждение, согласно которому упомянутые форматы «С5» или «С5+...» должны стать для государств региона некой платформой (или моделью) сотрудничества как между собой, так и с внешним миром. В частности, регулярные рабочие контакты в рамках подобных форматов позво-

лят политическим элитам стран ЦА добавить к национальному уровню мышления региональный, закрепить привычку работать в составе «пятетки», что также позволит синхронизировать их действия на международной арене.

В этом контексте ряд экспертов обращает внимание стран Центральной Азии на хороший пример стран Вышеградской группы (или V4 — объединение четырех центральноевропейских государств: Польша, Чехия, Словакия и Венгрия). Так, эта группа стран даже после вступления в НАТО и Евросоюз продолжает отстаивать единые и более прочные переговорные позиции в многосторонних форматах. Более того, в Брюсселе относится к этому вполне взвешенно и безо всяких подозрений, поскольку в данной практике нет ничего принципиально враждебного.

В-третьих, присоединение Узбекистана к населению почти 35 млн человек к ЕАЭС в качестве наблюдателя придаст еще один важный импульс дальнейшему развитию данной структуры.

Российско-узбекские отношения, новый этап которых начался после принятия Узбекистаном в конце 2016 года новой Стратегии развития, ныне являются самыми быстрорастущими по темпам в регионе ЦА. В частности, в рамках 1-го Межрегионального форума России и Узбекистана в октябре 2018 года подписаны Программа экономического сотрудничества на 2019–2024 годы, а также 800 торговых-инвестиционных соглашений и меморандумов на более чем \$25 млрд, из которых \$20,8 млрд приходится на инвестиционные соглашения, \$6,2 млрд — на торговые контракты.

По версии глобального банка HSBC (доклад «World in 2050») Узбекистан признан одной из самых быстрорастущих экономик мира (top-26) в ближайшей декаде. А в туристической сфере Узбекистан еще в 2019 году пробился в первую пятерку самых динамичных и привлекательных туристических направлений мира. Только за 2019 год приток иностранных инвестиций в Узбекистан вырос в четыре раза по сравнению с предыдущим годом. А в начале 2020 года озвучена задача вдвое увеличить ВВП страны в ближайшие пять лет, расширив годовой объем экспорта до \$30 млрд.

Общезвестно, что Узбекистан является государством, которое не только скрупулезно относится к самому процессу подготовки этих документов международного характера, но и неукоснительно соблюдает принятые на себя соответствующие обязательства, требуя того же от других участников. Безусловно, это обстоятельство также усилит процессы внутри ЕАЭС. Таким образом, безо всякого сомнения, подключение к евразийским процессам динамично развивающегося Узбекистана, где с приходом Ш. М. Мирзиёева развернуты самые комплексные и широкомасштабные во всем

СНГ реформы, значительно усилит потенциал и перспективу ЕАЭС.

С другой стороны, обретение статуса наблюдателя в ЕАЭС не должен вынуждать Узбекистан отодвинуть на второй план центральноазиатский вектор, который является главным приоритетом ее внешней политики.

В этом контексте можно прогнозировать, что для Ташкента, являющегося одним из локомотивов центральноазиатской интеграции, второй шаг в сторону ЕАЭС, но уже в качестве полноправного участника, скорее всего, может состояться только после успешного решения всей внутренней региональной повестки дня в рамках Центральной Азии.

Данное видение также базируется на том простом понимании, что нерешенные проблемы сугубо регионального характера внутри ЦА могут попросту экстраполироваться на платформу ЕАЭС, значительно осложнив дальнейшую работу и этой структуры.

Выводы и предложения (вместо заключения)

Первый вывод: в пользу крепких связей с Россией выступает более чем вековой исторический опыт нахождения в рамках одного государства, а также нарабатанная солидная договорно-правовая база.

Именно Россия остается главным партнером стран региона, а ее обширный рынок — благоприятным местом экспорта продукции из стран ЦА. Так, по данным Федеральной таможенной службой РФ, на ноябрь 2019 года объем торговли между Россией и государствами ЦА достиг \$20,5 млрд.

Также впечатляют масштабы помощи России государствам ЦА, которая с 2008 по 2019 год безвозмездно помогла на сумму, превышающую \$6 млрд (более \$4 млрд на двусторонней основе, остальная часть по линии международных организаций — ООН, Всемирного банка, ЕврАзЭС).

Второй вывод: завершив достаточно сложный период становления, наши страны находятся на переломном этапе своего дальнейшего развития. То есть или они в течение предстоящих 10–15 лет ускоренными темпами войдут в число процветающих государств, или окончательно законсервируются в проблемах, оставшись банальным сырьевым придатком более развитых государств и транснациональных корпораций. Иной альтернативы нет!

Никто особо не ждет наши страны на своих обжитых рынках, не желая появления нового игрока с конкурентной по ценам и качеству продукцией, произведенной по передовым технологиям, себестоимость которой будет ниже из-за использования своих сырьевых ресурсов и дешевой рабочей силы.

Однако растет понимание того, что реализации вышеуказанной цели нельзя достичь в одиночку. Наоборот, в условиях нарастающей глобализации это возможно только на ос-

нове совместных действий стран, достаточно близко связанных политически, экономически и культурно-цивилизационно, к примеру, в рамках проекта многостороннего формата по типу ЕАЭС.

Третий вывод: на этом фоне спустя сто лет Россия и страны Центральной Азии вновь пытаются выстраивать подходящую конфигурацию своих взаимоотношений.

В этом контексте у общественности наших стран есть ясное и однозначное понимание, что Россия была, есть и будет главным стратегическим союзником Узбекистана и всех центральноазиатских государств и региона в целом на всю обозримую перспективу.

Эта геополитическая реальность не оспаривается ни в концепциях развития стран региона, ни в ориентации национальных элит. Кроме того, хоть и без особого энтузиазма, но эту же истину воспринимают и в США, Китае и Турции.

Четвертый вывод: при этом России и странам ЦА важно извлечь правильные уроки и не повторять ошибок, допущенных в прошлом. В частности, в странах региона настроены, чтобы процесс выработки новой конфигурации взаимоотношений был поставлен (в отличие от предыдущих периодов царской России и Советского Союза) на здоровый фундамент, основанный на принципах равноправия и взаимного уважения.

Россия, как доминирующей силе внутри ЕАЭС, важно презентовать себя в качестве привлекательного и выгодного партнера для других участников — в политическом, социально-экономическом и культурно-духовном планах. Только на этой основе Россия, как сердцевина Евразии, может выстроить вокруг себя надежный «пояс безопасности», свободный от политической конъюнктуры. К примеру, в Евросоюзе используется принцип, согласно которому оказывается необходимая помощь более экономически слабым странам-участницам, стремясь подтянуть их до уровня лидеров.

Пятый вывод: Современные не совсем благоприятные тенденции в мировом общественном развитии, предыстория и логика нашего дальнейшего движения вперед убедительно свидетельствуют о безальтернативности интеграционных действий на пространстве Центральной Азии. В то же время выражаем надежду, что вместе с Россией путь к прогрессу и процветанию будет пройден легче и успешнее.

В завершение отметим, что во многом от успешного достижения здорового консенсуса между Россией и странами ЦА будет зависеть ответ на вопрос о том, перефразируя известное выражение В. Ленина, быть Соединенным Штатам Евразии или не быть.

Кудратилла Рафиков, политолог, г. Ташкент, 22 декабря 2020 года

Review Центральная Азия

Лувр в пустыне

Списки туристических достопримечательностей Центральной Азии обычно ограничиваются прославленными архитектурными памятниками Средневековья и раннего Нового времени. Но в этот ряд настойчиво просится великий музей с необычной историей, появившийся во второй половине XX века и расположенный в узбекском городе Нукусе.

— культура —

Персидские полчища и фаланги Александра Великого, войска Чингисхана и Тамерлана, арабского халифа аль-Валида и русского генерала фон Кауфмана — завоевателей Средней Азии повидала очень и очень много. Впрочем, едва ли меньше было терпеливых миссионеров: православных, католических, несторианских, манихейских, буддистских. И уж всяко больше было караванов, проследовавших через эти земли по Великому шелковому пути.

Этим путем помимо шелка приходили некогда в Европу драгоценный фарфор, чай и «сарацинское пшено» — рис. Не будь этого пути, не достигли бы Средиземноморья дальневосточные новации, изменившие историю Запада: хоть бумага, хоть порох. Здесь встречались цивилизации, здесь копилась не только богатства, но и знания многих народов. В процветающих центрах вроде Бухары или Хорезма работали универсальные ученые-энциклопедисты, труды которых средневековая Европа (сам этот край в общем-то представлявшая себе еще с трудом) прекрасно знала. Авиценна (ибн Сина), вплоть до эпохи Возрождения один из главных авторитетов для европейских медиков; аль-Хорезми, «отец алгебры», к имени которого восходит наше слово «алгоритм»; Бируни, достижения которого повлияли на историю не только астрономии как таковой, но и мореплавания — а значит, и великих географических открытий...

Пути мировой торговли с тех пор несколько изменились, маршруты любителей путешествий тоже в общем-то не совсем те, что при Марко Поло, и все же в 2010-е туристический поток в страны региона стал заметно расти. Согласно официальным данным, в 2018-м Узбекистан посетили 5,3 млн человек, Казахстан — 8,5 млн. Львиную долю, правда, этих посетителей составили гости из России и других стран СНГ, у которых (хотя бы отчасти) наверняка срабатывают еще советские воспоминания и культурные коды.

Но не то чтобы региону, кроме соседей по СНГ, в этом смысле было не к кому обратиться. Нет на свете человека, который бы не ахнул, впервые увидев великие мечети, медресе и усыпальницы Бухары или Самарканды — это фантастическая архитектура и такое же бесспорное достояние человечества, как римская площадь Сан-Пьетро или Версаль. Однако этим городам все далеко не ограничивается — в нынешнем перечне объектов Всемирного наследия

ЮНЕСКО, расположенных в Центральной Азии, 15 природных и исторических достопримечательностей.

А еще практически в сердце Центральной Азии находится единственный в своем роде музей. Если хоть о каком-то из среднеазиатских музеев в мире действительно слышали, так это о нем — впрочем, что там «слышали», многие годы его исправно поддерживали доброты из самых дальних краев, прозванные этот музей по восточному цветистому «Лувр в пустыне» (заметьте, задолго до того, как Лувр парижский надумал открывать филиал в арабской пустыне). Если за пределами России где-то и хранится настоящему удивительное собрание русского искусства XX века вообще и русского авангарда прежде всего — так это там. Музей-легенда, музей-мечта, музей с удивительной историей и не менее удивительной репутацией, который при этом раскинулся не в столице, не в каком-нибудь райском оазисе, а в отдаленном узбекском городке Нукусе.

Ну то есть как «городке»? Более 300 тыс. населения, столица автономной Каракалпакии — собственно, и музей этот называется ныне по-столичному торжественно: Государственный музей искусств Республики Каракалпакистан им. И. В. Савицкого. Но при этом почти ничто в советской истории и этого города, и этой территории не обещало появления подобной жемчужины. Почти вся Каракалпакия состоит из пустынь, на Аральском море, которое постепенно превращается в пустыню, после войны устроили полигон для испытаний биохимического оружия, даже доступ на территорию автономной республики был одно время ограничен.

Но, с другой стороны, именно у зеленых и плодородных когда-то берегов Аральского моря находился древний Хорезм с его владениями. И еще с конца 1930-х начала свою работу на этой территории масштабная археологическая экспедиция под патронажем Академии наук СССР, действовавшая там до самого конца советской власти.

В 1950 году к экспедиции присоединился 35-летний художник Иван Савицкий. Со Средней Азии он был к тому времени знаком не понаслышке — еще во время войны он оказался в эвакуации в Самарканде. Знал он представителей опального авангарда: в том же Самарканде он приятельствовал с Робертом Фальком и Николаем Ульяновым (и брал у них уроки). Видимо, это сочетание художественных знакомств и впечатлений от тамош-

ПЕТЕР МАКСИМОВ

ней природы — пески, солнце, ослепительная небесная синь — оказалось для судьбы Савицкого решающим: после нескольких сезонов в экспедиции он бросил московскую жизнь и переселился в Каракалпакию окончательно.

А также начал собирать коллекцию — сначала для себя, как будто бы в начале этнографического духе. Потом это собирательство постепенно начало приобретать более официальные формы: Савицкий занимался исследованием декоративно-прикладного искусства сначала в местном НИИ экономики и культуры, потом в новосозданном филиале Академии наук Узбекской ССР, потом в Нукусском историко-краеведческом музее. Со временем произведениями исконно каракалпакских промыслов — одежда, утварь, украшения — ему удалось настолько увлечь нужных представителей научной и государственной элиты (не только на республиканском, но и на союзном уровне), что они уступают его настояниям. Савицкий доказывал: существующий музей мал, надо создавать новый, причем более широкого профиля — и в 1966 году наконец в Нукусе в самом деле появился новый художественный музей. Надо ли говорить, что Савицкий же стал и его первым директором и пробыл на этом посту до самой своей смерти в 1983-м.

И тут стало понятно: это не будет еще один чинный художествен-

ный музей из тех, что были рассеяны по крупным городам страны советского времени. Они, похожие друг на друга, как счастливые семьи, строились по одной и той же схеме. Немножко старых мастеров, переданных, как правило, от щедрот какого-нибудь центрального музея. Немножко достопримечательного отечественного реализма XIX века. Плюс советские академики, плюс местные художники, призванные свидетельствовать об успехах социалистического строительства.

Савицкий повел дело иначе — и при этом даже не лукавил. Ведь что может быть естественнее, чем собирать произведения русских художников, так или иначе хоть когда-нибудь да вдохновлявшихся пейзажами, видами, самим воздухом Средней Азии? Только собирал он, например, того же Фалька, или Павла Кузнецова, или даже Максимилиана Волошина. Со временем в Нукусе образовалась внушительнейшая коллекция опальных авторов первой трети XX века, которых остальные музеи, случись такие художники в их собрании, в лучшем случае прятали от греха подальше: Любовь Попова, Алиса Порет, Александр Яковлев... Да, в силу разных перипетий значимые вещи художников русского авангарда можно найти и в Салониках, и в Амстердаме, но нукусская коллекция, во-первых, феноменально объемна, а во-вторых, потрясает само сочетание первозрядных работ, сделавших

бы честь Москве или Петербургу, и экзотического контекста.

К тому же Савицкий сделал и еще более интересную вещь: вычленил и целенаправленно собрал искусство среднеазиатских художников первой половины прошлого века, вдохновенное творческим опытом русских коллег. Самобытные, яркие, исключительной силы произведения, которые получили без всякой снисходительности прозвание «туркестанского авангарда» и которые могли бы попросту сгнить, не оказавшись в музейной коллекции.

Он собирал с азартом подвижника, объездив весь СССР и виртуозно убеждая власти год за годом продолжать финансирование этих закупок. Финансирования все равно не хватало, и часто он прибретал работы под честное слово, вернее, под расписки, которые музей потом с грехом пополам погашал вплоть до начала 1990-х. Это был труд, который не вписывается в советские каноны музейного строительства, как не вписывается и в современные публицистические представления о музейном деле XIX–XX веков как о безоглядном торжестве колониального сознания. Но Савицкий так умел убеждать, очаровывать, доказывать, не поступаясь при этом никакими принципами, что происходили подчас чудеса — и вселившая Екатерина Фурцева именно музею в Нукусе отписывала часть коллекции Фернана Ле-

же, переданной Советскому Союзу его вдовой Надеей Леже.

Музей знаменит, музей получил еще 20 лет назад новое здание — правда, и оно только часть тех построек, которые для него были запланированы некогда при Горбачеве. И все же его положение выглядит несколько зыбким. С одной стороны, говорят о фатально недостаточном финансировании, о слабости нынешней научной работы: тысячи и тысячи работ все еще не каталогизированы и не описаны. С другой — на официальном уровне подвижки есть. В 2017-м музей с беспрецедентной помпой продемонстрировал себя на выставке «Сокровища Нукуса» в московском ГМИИ, проходившей фактически под эгидой президентов двух стран. Затем провел по всем правилам открытый международный конкурс на должность директора, которую в итоге занял замдиректора московского Музея Востока Тигран Мкртычев. После сложных многолетних согласований на весну 2021 года намечены в свое время международную выставку «Шелковый путь» в парижском Лувре, в которой должен был участвовать в том числе и нукусский музей. По понятным причинам она отложена, но стоит надеяться, что в ближайшее время «Лувр в пустыне» все-таки окажется в гостях у Лувра на Сене: внимания, особенно внимания международного. Музей искусств Каракалпакистана честно заслужил избрание.

Василий Лепских

Обратно к тысячелетней истине

— экономика —

Самое главное, что случилось с экономикой региона Центральной Азии за последние три десятилетия, — она продемонстрировала то, что она существует именно как целое: ценность внутренних связей и внешнеторговой ориентации, вопреки ожиданиям, преодолела все факторы, которые могли бы разрушить макрорегион. Коронавирусный кризис 2020 года тем временем для Центральной Азии может стать последней проверкой на единство: посткризисные тренды к изоляции акцентируют и для каждой страны этой общности, и для всех вместе необходимость в долгосрочном позиционировании, которое обеспечит Центральной Азии восстановление экономического роста в привычных темпах последнего десятилетия.

Если говорить об основном экономическом тренде постсоветской Центральной Азии как макрорегиона, образующегося Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией, Таджикистаном и Туркменией, то главным вопросом, на который еще в ранние 1990-е не было уверенного ответа, был: а есть ли вообще такой макрорегион? Исторически — никаких сомнений: Центральная Азия как культурное и экономическое единство существует, видимо, дольше, чем большая (за исключением, может быть, Китая) часть азиатских культурных регионов, и срок существования Центральной Азии измеряется тысяче-

ФОТО: АНДРЕЙ ПИЩЕВ / СПУДКОМ / АГЕНТСТВО ИТАРИА

летиями. Но в конце XX века вполне было в чем сомневаться: постсоветская Центральная Азия переживала индустриализацию и создание современных обществ в совсем другой общности — Советском Союзе, и к 1990-м все пять стран и десяток этнических общностей, составляющих их, развивались, в том числе экономически, очень поразному и часто — в разном направлении. Наиболее предсказуемым и понятным было развитие самой мно-

гонаселенной центральноазиатской страны — Узбекистана — даже эволюция Казахстана, специализация которого на горнодобывающей и нефтяной промышленности сложилась еще в СССР, не была предсказана аналитиками. То же самое можно сказать и о Таджикистане и Туркменистане, а в гораздо большей степени — о Кыргызстане: киргизская экономика оценивалась в начале XXI века как потенциально очень сильная.

Экономическое развитие центральноазиатских стран в итоге было поначалу довольно разным, но в итоге после всех кризисов и взлетов к 2019 году начало довольно характерно сближаться — и это, видимо, стоит считать главным доказательством реального существования постсоветской Центральной Азии как экономического и культурного явления. С одной стороны, абсолютно все страны региона на

удивление единообразно восприняли идею экономического суверенитета: как бы тесно ни ориентировалась каждая из пяти стран на кого-либо из торговых или инвестиционных партнеров (в разное время, в разной степени и для разных республик это были Россия, КНР, Турция, Иран, в финансовом секторе к этому списку стоит добавить Германию, Великобританию, США и Канаду, в вопросах технологий — Украину и Японию), идеи «сверхтесного» альянса за пределами Центральной Азии ни одну страну не увлекли, и «распада Центральной Азии», восприятия его как чисто географического понятия, в итоге никто так и не увидел. Цементирующей силой для макрорегиона с огромным разнообразием экономических укладов (что общее у крупных городов Казахстана, аграрных предгорий Куляба, промышленности Ферганской долины и хозяйства прикаспийской части Туркменистана?) была в первую очередь достаточно схожая культура, объединяемая господствующей религией и основанной на ней политической культурой, несмотря на то что все центральноазиатские республики остались светскими, а роль ислама в них нигде не напоминала не только Иран, но и Афганистан.

Но не меньшее значение, как выяснилось, сыграли и советские экономические связи. Во многом нам сейчас сложно даже предположить, как это сработало, поскольку это сработало в «слепом», «невидимом» режиме 1990-х. В СССР в принципе не отказывались воспринимать Цен-

тральную Азию как единое целое с точки зрения экономики, но специально настаивать на том, что Туркменистан, например, должен быть тесно увязан в хозяйственных вопросах с промышленностью Узбекистана, никому там в голову не приходило. Казахстан с этой точки зрения вообще представлял собой несколько экономических провинций, не так тесно связанных друг с другом, как с близлежащими регионами зауральской России, Ферганской долины. Из Ашхабада довольно часто было «ближе» до Баку, чем до Ташкента. Если добавить к этому то, что достаточно крупная и амбициозная экономика Турции как раз в этот момент (на стыке тысячелетий) пережила период международной экспансии, успешно замещая там, где это было возможно, российское присутствие, а внутри самой Центральной Азии в переходный период было множество и претензий и вопросов стран друг к другу (они нередко сохраняются и сейчас), то само по себе существование макрорегиона в существующем виде отвечает на большинство вопросов. Центральная Азия экономически не стала ни «русской», ни «китайской», ни «американской»: несмотря на то что такая ориентация для конкретной страны решила бы многие вопросы (например, вопрос об электроэнергии — напомним, проблема с энергообеспечением и инфраструктурой была и остается центральной для региона, ее пока полностью не удалось решить ни в СССР, ни позже), регион предпочел себя самого.

Review Центральная Азия

«Роль Китая не может играть ни одна страна»

В интервью спецкорреспонденту „Ъ“ **Владимиру Соловьеву** руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги **Александр Габуев** поделился мнением о том, почему вслед за экономическим влиянием Китая в Центральной Азии его политическая и военная роль здесь неминуемо будет расти.

— интервью —

— Все привыкли, что зона острой геополитической конкуренции — это постсоветские страны, где есть ориентированные на Запад элиты: Украина, Грузия, Молдавия. В последнее время заговорили о перетягивании уже Центральной Азии. — Конкуренция на западе постсоветского пространства понятна и заметна, потому что это конкуренция между Россией и Западом. Сама география диктует лобовое противостояние между двумя игроками, у которых разные интересы и которые не могут пока найти формулу, как им сосуществовать.

В Центральной Азии есть два внешних игрока, которые могут иметь здесь комплексное влияние — экономическое, в сфере безопасности, в культурной сфере. Это Россия и Китай. Есть США, у которых интерес к региону есть, но он более тактический и узкий, чем об этом принято думать в Москве или в Пекине. Он прежде всего был связан сначала с распадом СССР и необходимостью обеспечить суверенитет этих стран, чтобы Советский Союз не возродился. Когда началась война в Афганистане, внимание США к Центральной Азии было связано с необходимостью логистически обеспечивать афганскую кампанию. США кажутся России и Китаю третьим игроком, который пытается влиять на ситуацию, но на деле возможности Запада конкурировать в Центральной Азии с Москвой и Пекином ограничены.

— Мне кажется или в Центральной Азии усиливается конкуренция между Россией и Китаем?

— Мы видим определенную эволюцию и изменение баланса сил. До середины 2000-х Россия была абсолютным доминирующим внешним игроком в регионе. С появлением глобального Китая, который превратился в потребителя буквально всех природных ресурсов, кроме рабочих рук, ситуация изменилась.

Китай заинтересован в ресурсах Центральной Азии, а для центральноазиатских стран Китай — рынок. Мы видим стимулируемый экономикой сдвиг в региональном влиянии. Россия становится все менее значимой, а Китай — наоборот. У российских компаний нет денег и возможностей развивать рудные и ресурсные проекты в Казахстане, в Киргизии. Российская экономика в рецессии сейчас и в стагнации начиная с 2013 года, во-вторых, у нас на своей территории есть проекты, на которые не хватает денег. Зачем добывать нефть или газ в Туркменистане, если надо свое продавать? А у китайцев эти деньги есть.

Поэтому Китай становится не только все более важным торговым партнером, но и инвестором, а вслед за этим и кредитором. У него столько денег, что он может давать льготные кредиты. И может действовать по более сложным схемам и говорить: давайте вы нам дадите лицензию на такое-то месторождение, а мы кредит вам дадим не только на освоение месторождения и закупку технологий, но и на бюджетную поддержку, допустим. Это комплексная экономическая экспансия, в основе которой взаимодополняемость экономик и национальный интерес и тех и других.

Уникальную роль Китая не может играть ни одна страна. Это важно понимать. Ты пытаешься поставить себя на место пяти центральноазиатских республик и думаешь: кому мы будем все экспортировать? Россия — прямой конкурент, Европа далеко, и не понятно, нужны ли будут Европе углеводороды через десять лет и по какой цене. А тут под боком страна с огромным растущим рынком, готовая строить инфраструктуру, платить все взятки, которые нужно, устраивать детей элиты в свои топовые вузы. По-

этому китайское экономическое доминирование в Центральной Азии неизбежно. В России нехотят признавать, что экономическая конкуренция с Китаем в Центральной Азии проиграна, не начавшись. Мы не можем дать сопоставимый рынок этим странам. Единственная надежда на то, что мы сохраним ЕАЭС, что китайцы не будут пытаться его торпедировать изнутри и что внутри ЕАЭС возникнут совместные производства, цепочки добавленной стоимости.

— Можно ли уверенно говорить, что Китай не попытается раскатать ЕАЭС? Когда президентом Киргизии стал Садыр Жапаров, многие заговорили о его связях с Китаем и о том, что его приход к

власти — а это, напомню, случилось путем свержения президента Сооронбая Жээнбекова — своеобразная проба сил Китая в той сфере, где раньше доминировал Запад, — в сфере установления дружественных себе режимов.

— Китаю, я думаю, пока развлекать ЕАЭС никакой выгоды нет, потому что он считает, что этот организм сам по себе не очень долговечный. Зачем пытаться, зля Россию, убить зверя, который сам умрет от старости и болезней? Китай может довольно хитро это использовать для доступа на российский рынок через дырки в заборе, прежде всего через Киргизию.

Очень интересная вещь — военная безопасность. Это сфера, где я вижу нарастающие противоречия между Россией и Китаем. До недавнего времени Россия считала, что складывается отличное разделение труда. Мы поняли, что в Центральной Азии мы не очень про экономику, про экономику — Китай. Ну и отлично: закупайте ресурсы, стройте Шелковый путь и так далее. А мы будем отвечать за безопасность. Китай — это купец, а мы стоим с автоматом Калашникова и выполняем почетную охранную функцию главного военного гегемона.

До недавнего времени это разделение труда работало. Но китайцы развивают в регионе все больше военных инструментов. Они делают это по двусторонним каналам. Они продают и передают оружие местным армиям. Развивают образовательные контакты. Некоторые страны начинают учить своих кадетов в Китае. Во всех странах региона есть программа обучения их военных в вузах КНР. Их число пока несопоставимо с числом людей, которые в России учатся по военным

специальностям, но они есть. Есть уже и военный объект — пограничная база в Таджикистане, открытая без согласия России.

— Ее открыли не просто без согласия, а даже не спрашивая такого согласия в принципе.

— Да, причем важно понимать, что Таджикистан — военный союзник России по ОДКБ. То, что Душанбе не сказал об этом Москве, — одна история. Вторая история в том, что Китай не уведомил Россию и поставил ее, по сути, перед фактом.

Есть и третий элемент. Китай пытается по всем возможным каналам пробить присутствие своих частных военных компаний (ЧВК) для защиты китайских объектов в регионе. Известно, что такие ЧВК либо тесно связаны с Народной-освободительной армией Китая (НОАК), либо это просто передетые кадровые военные. Это основывается на трезвом понимании китайских интересов безопасности. У них главная проблема в том, что через границу с Казахстаном и Киргизией находится Синьцзян-Уйгурский автономный район, населенный уйгурами, часть из которых мечтает отделиться или получить большую автономию. Там построили цифровой концлагерь и пытаются решить уйгурскую проблему путем очень жесткой ассимиляции. Срабатывает эта политика или нет — пока не понятно. Но любой взрыв в Центральной Азии может перекинуться через границу. Если какое-то соседнее государство становится большим Сомали, куда приезжает мировой террористический интернационал, естественно, проблема будет вытесняться на китайскую сторону. Значит, в этих странах нужны инструменты безопасности, которые смогут эту проблему купировать. Поэтому они вкладываются в местные армии и хотят, чтобы у Китая были свои инструменты на местах.

Перед Россией стоит сложная задача: как адаптироваться к неизбежному. В целом у нас с Китаем много интересов совпадает. Вопрос в том, научится ли Россия терпеть большее китайское присутствие и поддерживать

баланс сил, не отдавая все китайцам накуп. Забегая вперед скажу, что единственный способ для России — укреплять суверенитет центральноазиатских стран. Это звучит парадоксально, потому что долгое время Россия занималась размыванием их суверенитета, чтобы сделать их частью своей сферы влияния. Чтобы эти страны не стали китайской добычей, Россия должна быть заинтересована в максимальном укреплении их суверенитета. Это означает значительную перестройку политики.

— Мы говорили об экономике и военной составляющей. А насколько Китай готов включаться в политику своих соседей?

— Есть сигналы, которые показывают, что Китай не будет останавливаться на экономическом доминировании, а заинтересован в полномасштабном влиянии и превращении региона в исключительную сферу своих интересов, где России будет отведена роль младшего партнера. Мое общение с китайскими коллегами показывает, что долгосрочная цель заключается в этом. И сложно думать как-то иначе, глядя на то, как Китай развивается. Китай — вторая, а в скором времени первая экономика мира. Китайская экономика не одномерна, это не нефтегазовая держава, а страна, которая может производить все: от космических кораблей и квантовых компьютеров до кроссовок.

В регионе действительно нет других крупных игроков. Не ясно, почему Китай не должен смотреть на этот регион как на потенциальную сферу своего влияния. Мы видели, что китайская модель поведения в Средневековье — активно вмешиваться в дела сопредельных маленьких стран и пытаться на них влиять, навязывать свои порядки. Киргизия может быть первой ласточкой. Что работает против китайцев и дает России некий шанс на более сбалансированную игру в регионе — это то, что китайская экспансия не остается незамеченной и вызывает огромный страх, замешанный на том, что Китай творит в Синьцзяне в отношении мусульман и тюрков.

Обратно к тысячелетней истине

— экономика —

19 На деле движение, которое прodelали центральноазиатские экономики в постсоветский период, часто недооценивается. Экономический спад наступил после распада Союза Центральной Азии, по оценкам Всемирного банка, лишь в 1993 году и достиг пика в 1994-м, уже в 1996 году рост совокупного ВВП пяти стран Центральной Азии составил 1,9%, а до 2008 года устойчиво превышал 5% в год, на пиках (2004 и 2007 годы) составлявший вполне звездные 8,7%. После 2009 года, по итогам мирового финансового кризиса, развитие было не таким быстрым, но до 2019 года 5% роста было медианой, вокруг которой немного колебался ежегодный прирост ВВП. Развитие региона было неравномерным и отличавшимся и по форме, и по содержанию. В Туркменистане ориентировались в основном на госинвестиции, инфраструктуру и газодобычу. В Казахстане — на нефть и международные вложе-

ния, в Узбекистане — на промышленность и химию, доля внешних вложений, в том числе из РФ, была довольно велика. В Киргизии и Таджикистане картина была другой. Тем не менее результаты во многом были схожи. Так, например, к 2015 году региону удалось надежно снизить долю бедных ниже уровня 30% — напомню, в середине 1990-х она в ряде случаев зашкаливала за 70%.

Способ же интеграции не отдельных стран, а Центральной Азии в целом в мировое разделение труда вышел достаточно своеобразным. С одной стороны, Центральная Азия — важнейшая часть центральноазиатской экономики, она уже достаточно существенно интегрирована со всеми странами-соседями в регионе: это явно постсоветский ресурс, это восстановление связей, существовавших всегда. В отношениях Европы, частью которой для Центральной Азии является и Россия, регион — единственный потенциальный донор рабочих рук: демография Цен-

тральной Азии до 2010-х считалась ее проблемой, после — преимуществом. Для всех соседей Центральная Азия — это, с одной стороны, традиционный (уже много тысячелетий) транзит, с другой стороны — поставщик сырьевых ресурсов, которых здесь достаточно много. И, наконец, Центральная Азия — это предпринимательское сообщество, крайне важное в масштабах Азии как таковой и заметное в мировом масштабе. В известном смысле через него регион вернул себе статус одного из ключевых центров мировой экономической активности, существовавших всегда и всегда многое значивших для мира — это что угодно, но не мировые задворки.

2020 год поставил перед этой общностью еще одно испытание — и с большой вероятностью последнее, хотя и очень значимое. Видимо, мало где, как в Центральной Азии, понимают сейчас, что такое «парад протекционизма» по итогам пандемии COVID-19. Экспорт рабочей силы из

региона в течение всего 2020 года был проблемным, как и новые проекты, и перемещения, и многое другое — в итоге прогнозом для макроэкономики по динамике ВВП в 2020 году по состоянию на октябрь было значимое падение почти всех страновых ВВП: от 10% в Киргизии до 2,5% в Казахстане. Торговые ограничения, как предполагают эксперты, будут сохраняться и после пандемии, и как минимум этот фактор не позволит рассчитывать на те же темпы роста в регионе, что наблюдались последнее десятилетие.

Ресурсов для увеличения потенциала роста в Центральной Азии, как полагают в том же Всемирном банке, на национальном уровне довольно много (так, например, Узбекистан, консолидировавшийся в 2018 году национальную железнодорожную сеть, уже с 2021 года сможет реализовывать гораздо более широкий спектр проектов, в том числе инфраструктурных, чем ранее), но в глобальном смысле их два. Первый: выход на перегово-

ры о создании более или менее единого интегрированного рынка Центральной Азии с населением более чем 100 млн человек — это огромный игрок. Второй: создание и всем регионом, и отдельными странами торгового альянса с соседями на базе как двухсторонних, так и блоковых соглашений. Кыргызстан уже присоединился к ЕАЭС — крупнейшему постсоветскому торговому блоку, в который входит и Россия. Все страны Центральной Азии так или иначе вовлечены в китайский мегапроект «Один пояс — один путь». С одной стороны, Центральная Азия — это субтопо континентальное понятие: преимуществ морской торговли здесь нет. С другой стороны, это центр континентального баланса экономических сил.

По существу, речь идет о постепенном завершении процесса, начавшегося в 1990-х: Центральная Азия предстоит вернуться уже в современных конвенциях к статусу, которым регион обладал по историческим меркам всегда. Ближайшие несколь-

ко лет можно потратить на попытки разделения и самоизоляции, тем более что поводов для этого будет так же много, как и примеров: — торговая война Китая и США, двух крупнейших экономик мира, наиболее тесно связанных друг с другом, показала, как это бывает, в 2016–2019 годах. Можно — на поиск внутреннего единства — впрочем, это с минимальной вероятностью может стать «центральноазиатский единый рынок» в европейском понимании и даже, видимо, в понимании АСЕАН или Транстихоокеанского партнерства: в Центральной Азии, как показало 30-летие независимости, предельно серьезно относятся к суверенитету. Наконец, можно поставить мир перед фактом, который, по существу, невозможно опровергнуть: Центральная Азия существует, она такая, какой она предпочитает быть внутри себя, и это невозможно игнорировать — хотя бы потому, что это выгодно и Центральной Азии, и всему миру.

Дмитрий Бутрин